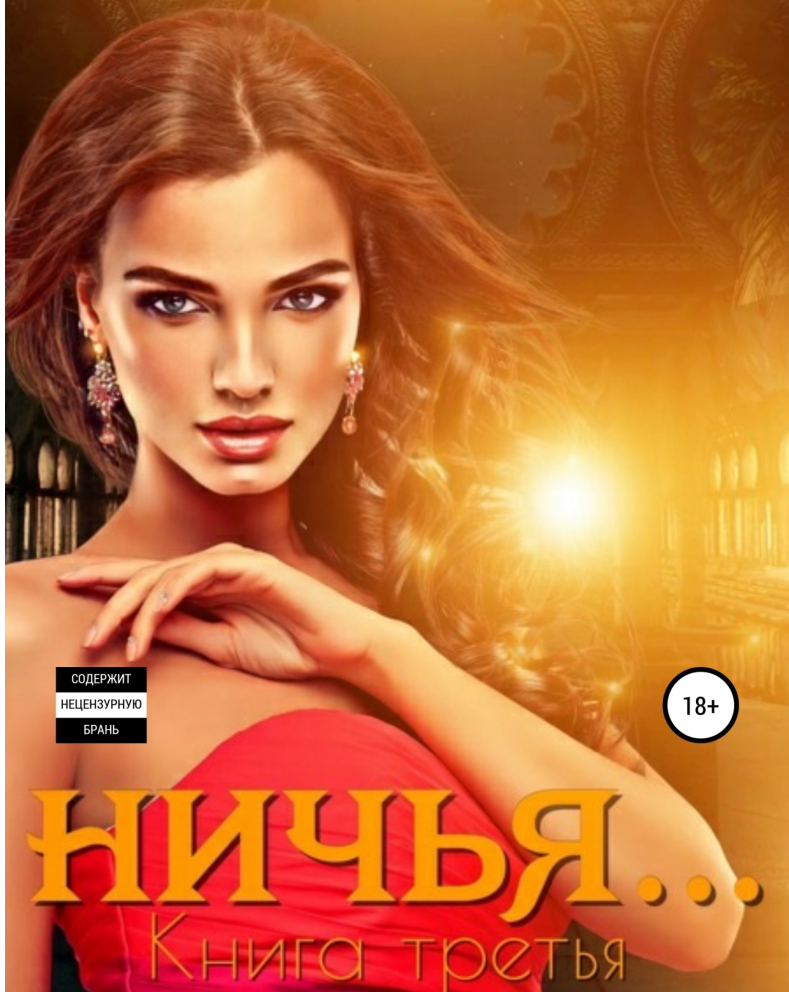

ИМАН ҚАЛЬБИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НИЧЬЯ...

Книга третья

Иман Кальби

Ничья...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64081942

SelfPub; 2021

Аннотация

Финальная часть истории о российской журналистке Владе Пятницкой, ставшей заложницей роковой любви двух сильных восточных мужчин. Чем закончится их соперничество за ее сердце и тело? Кого выберет девушка? Сможет ли она не потерять себя, возносясь к небу и падая в бездну от их всепоглощающей страсти и разрушительной ревности? Обретет ли с кем-то из них долгожданную гармонию в отношениях, или же единственным путем к счастью для нее станет освобождение от их таких пленительных, но удушающих пут...

СТРОГО 18+ В романе присутствуют очень откровенные сцены!

Содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	25
ГЛАВА 10	111
ГЛАВА 11	117
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Иман Кальби

Ничья...

ГЛАВА 1

Дрожащая рука на холодном стекле, бескрайняя синева моря, такого пугающе спокойного, такого грандиозного, величие которого нарушается только всполохами мелкой белой ряби... И ее боль, ее одиночество, ее несвобода... Наивная, она думала, что кошмар закончится, а он только начался... Все эти толпы людей с наигранным участием – сначала, врачи, формально выполняющие свою работу, но не испытывающие к ней ни грамма сочувствия – для них она чужачка, вывезенная их тыла врага, потом – сотрудники русского консульства – с интересом следят за ней, изучают и фиксируют любые фразы, эмоции, чувства, за ними – представители сирийских властей – формально вежливые, но напряженные, подозрительные... Даже ее редактор, такой родной, такой знакомый, такой не скупившийся ранее на едкие, но искренние и по – доброму саркастичные замечания, теперь казался странным – не то, чтобы заискивающим, скорее, растерянным, напуганным, отстраненным, и в то же время, ждущим от нее горячих фактов... Наивно было полагать, что после освобождения ее оставят в покое... Теперь она

не просто русская журналистка в Сирии, теперь она важный свидетель, очевидец, возможно, как, наверняка думали власти, соучастник пойманного на нее, как на крючок, преступника Карима Дибба... Какая уж там свобода...

Но самое чудовищное – это ее несвобода другого характера – несвобода от той сжигающей изнутри агонии, в которую ее отправил Васель. Своими обвинениями, своей холодностью, своей ненавистью... Именно ненавистью... В его взгляде теперь, казалось, не было места ни любви, как он сам признался, ни сочувствию... Ревности, разочарованию, гневу – да... Теперь это их спутники... И она знала, что ей в равной степени будет больно – и если он оставит ее, и если нет... Потому что теперь в равной степени будет нестерпимо находиться и без него, и рядом с ним – съедаемым самыми разрушительными эмоциями, какие только возможны в отношениях между мужчиной и женщиной...

Девушку не стали более держать в больнице. Уже к вечеру ей объявили, что рано утром она в составе охраняемого кортежа будет вывезена в Дамаск, где для ее же безопасности побудет некоторое время в отеле под надзором телохранителей. Предполагалось предварительно заехать на ее съемную квартиру, чтобы забрать вещи.

Влада совершенно не понимала, как такое возможно, но факт ее пленения удалось скрыть от общественности, поэтому она была избавлена хотя бы от этого пресловутого циничного и сиюминутного интереса со стороны прессы, такого ха-

рактерного и такого унижительного для всех освобожденных заложников, всегда немного жалких и отчужденных в сюжетах журналистов... А может это было и плохо, что вся ее история осталась тайной – она не понимала, чего ожидать от всех этих людей, окруживших ее мнимым вниманием, словно коршуны на охоте...

Утро следующего дня выдалось зябким. Девушка куталась в предоставленный ей плед, но дрожь била изнутри... Впервые ее не радовали робкие солнечные лучи, которые даже в безнадежном Хомре, во время пленения, вселяли оптимизм и надежду. Теперь казалось, что своим сиянием они предательски радуются, когда ей так плохо...

Машины тронулись с места. С минуту она отрешенно смотрела вдаль, а потом утерла слезы, поправила волосы и собралась с духом. Что ж, по крайней мере, она сейчас принадлежит самой себе... Ха, вроде как принадлежит... Нет одержимой похоти мужчин, душащих ее своим эго, своим собственническим инстинктом... И в это момент это показалось ей едва ли не самым важным... Не зависеть от мужчин, снова вздохнуть полной грудью... Она постаралась закрыть глаза и расслабиться. Хотела думать о горячей ванне и теплом чае с мелиссой, которые она сможет принять без страха, что к ней в комнату войдут незванный гости. С этими мыслями ее глаза стали постепенно закрываться. Навалился сон. Спокойный и безмятежный, какого у нее не было уже

давным – давно... Так непривычно было засыпать снова свободным человеком... Свободным ли?

Сначала они подъехали к ее квартире на Кусуре. Девушка должна была собрать вещи. Ей несколько раз повторили, что никто ее квартиру не забирает, что проживание в отеле – временная мера до тех пор, пока не станет ясно, как в дальнейшем будет складываться ее профессиональная деятельность в стране. Очевидно, Влада находилась здесь по работе, хотя, пожалуй, сама об этом почти забыла... Но она точно знала, банально чувствовала, что сюда больше не вернется... Что эта Глава жизни будет закрыта навсегда. Она поднималась в квартиру с щемящим чувством тревоги и тоски – по тем временам, по той себе, по легкости и наивности ее эмоций... Она попросила сделать это сама, в одиночку, несмотря на услужливые предложения приставленного из консульства человека ей помочь.

И вот, она на пороге своей квартиры. Легкая небрежность раскиданных вещей – сейчас уже не вспомнить, оставила ли этот бардак она сама, мечась по квартире в экстренных сборах в то проклятое кабаре, или же сюда заходили, пока ее не было. Конечно, заходили, в поисках ответов, как минимум... Он был тут, она не сомневалась... Почему – то она знала это точно. Взгляд на тумбочку при входе – и щемящая боль, простреливающая по всему телу. Высохший букет роз... Тот самый, который он прислал ей накануне ее пле-

нения, когда она уже горела в агонии от осознания его предательства, но выжидала, вынашивая план мести... Усмехнулась. О какой мести можно говорить в отношении Васеля Увейдата... Если не он тебя уничтожит за твои намерения, то обстоятельства вокруг него... Прошла дальше, на кухню – и снова боль, снова отсылка туда, в тот день. Несмотря на яркий дневной свет, проникающий в комнату из окна, она замечает горящую лампочку, специально ею оставленную для отвлечения внимания приставленного Васелем охранника в тот день.

– А эти энергосберегающие лампы действительно выносимые, – пронеслось у нее в голове. – Твоя жизнь оказалась более длинной, чем жизнь нашей с Ним любви, – тихо и обреченно произнесла Влада, нажимая на выключатель, – отдыхай, ты сделала свою работу...

Вещей оказалось не так много, как она ожидала – все – так это была служебная квартира, а не личная, большим количеством скарба обрасти она не успела. Девушке хватило часа, чтобы все собрать и поставить у входа. Привратник помог спустить все вниз – в его взгляде тоже читался интерес – куда она пропала, где была, что это за машины и иностранцы у входа.

– Привет из холодной Москвы, – стараясь как можно милее улыбнуться, сказала Влада.

– Вы были в России? Как это я не догадался, конечно. Куда еще Вы могли пропасть, – даже с облегчением ответил

приветливый и недалекий мужчина.

Девушка протянула ему чаевые из мелочевки, которую она успела сгрести с комода при входе, – Конечно, где еще я могла быть...

Жизнь Влады постепенно возвращалась в привычное русло. Со временем интерес к ее пленению пропал и у начальства, и у перемывших ей все кости коллег – она действительно могла спокойно выходить из своего номера и встречаться с людьми, это было даже удобно – в отеле куча ресторанов и кафешек, а про безопасность и говорить не стоило. Она впервые за столько месяцев почувствовала себя расслабленно, понимая, что вряд ли кто – то будет ее похищать и ломиться в номер на глазах у такого количества посетителей, персонала и охраны. Как выяснилось, в отеле она была не одна такая – еще как минимум несколько человек их числа публичных чиновников обитали в номерах на постоянной основе, видимо, опасаясь за безопасность своих семей и жилищ, стараясь оградить семьи от последствий войны и своей вовлеченности в нее в той или иной роли... От общения с прессой благодаря тому, что вся история с ее похищением держалась в секрете, ее тоже удалось оградить, а значит дополнительного раздражителя, способного искусственно поддерживать ту или иную выведенного яйца не стоящую историю, не было... Она занималась йогой, исправно ходила в спа – чтобы расслабиться и восстановить свои нервы. Ее пре-

бывание в отеле оплачивали, редактор никак не будировал тему статей, публикаций, поработать тоже не предлагал, а на любые ее попытки вернуться к обязанностям по – доброму, правда, уже из Москвы, куда он уехал через пару дней после возвращения Влады в Дамаск, отвечал, что она на заслуженном отпуске. Было очевидно, что он блефовал. В Москву – ни на совсем, ни на побывку ей никто вернуться не предлагал. Более того, среди своих вещей девушка даже не обнаружила ни паспорта, ни журналистского удостоверения. Она была заложницей этой страны. Но что они от нее хотели? Чего могли от нее получить? Или это дело рук Васеля? Хотя, судя по тому разговору, который она застала между ним и русским врачом с базы еще в больнице, сложилось впечатление, что его стараются к ней не допустить...

Васель... Как бы ни было больно думать об их последнем разговоре, в душе она ждала встречи с ним. Она все еще надеялась, что он объявится, хоть и боялась себе в этом признаться...Надеялась, что он снова войдет в ее жизнь... Но этого пока все никак не происходило...С той последней встречи в день ее освобождения она его так и не видела. Пару раз она выбиралась погулять по городу, предварительно оповещая своего дежурного «надзирателя» из консульства, как она сама его про себя прозвала. Да, хотя формально она была «свободна», ей недвусмысленно дали понять, что для ее же сохранности о своих маневрах теперь надо сообщать.

Егор стал ее отдушиной. Он единственный из всех кол-

лег догадывался о случившемся, оказывается, даже общался с Васелем на этот счет. Про него он не хотел говорить. Было понятно, парень не переносит Увейдатов, а может за этим стояло что – то еще... Они могли сидеть в кафешках или просто гулять по центру, но ей все эти вылазки психологически давались непросто... Все, абсолютно все в этом городе напоминало ей о нем, и это чувство было невыносимым. Этот город принадлежал ему, и теперь навсегда станет камерой заключения для ее сердца...

Всякий раз Влада затаив дыхание пролистывала регулярно поставляемые в отель местные журналы со светской хроникой. Шаблонные фото, страница за страницей, сверкающие одинаковыми слащавыми улыбками, нафуфыренные сирийки и их спутники, интервью местных звезд шоу – бизнеса, поваренные рецепты, секреты восточного семейного счастья... Конечно, ее интересовали далеко не эти милые пустяки, развлекающие местных домохозяек. Она маниакально искала его фото. То ли чтобы просто увидеть и впитать любимый образ, то ли чтобы снова почувствовать боль от того, с кем он... От того, как неимоверно прекрасен в своей божественной красоте и дьявольском высокомерии. Но страницы молчали... Она хотела увидеть его хоть издалека, но в то же время успокаивалась, что не увидела его под ручку с этой Мирной...

Но в один из дней она все же нашла, что искала. В разделе светской хроники она таки увидела знакомую бездну

голубых глаз. Рядом с ним стояла его невеста... Глаза Влады пробежали по подписи к фото "Золотой внук с избранницей..." Девушка отложила журнал и прикрыла глаза... Ее сердце сжалось в комок. «Избранница», – повторила она и душу полоснула боль. Какое правильное слово. Избранная, из сотен, из тысяч. Уникальная, неповторимая, его... Опустошение и боль... Жгучие спутники любого разбитого сердца... Триумфально улыбаясь, на Владу в нарядном платье, с высокой прической и слишком накрашенными глазами, как это было здесь модно, смотрела женщина, которой было суждено разделить с ним семейное ложе, построить семью, родить детей, состариться рядом, делить радости и горести... Она была красива, эта Мирна, юна и восторженна, и в то же время самоуверенна, как любая родившаяся в достатке и искупанная в любви родителей восточная принцесса. Она была счастлива, что рядом такой спутник, уникальный спутник, спутник, соответствующий ее породе и масти... Влада увидела эту уверенность и привлекательность еще тогда, разбитая и униженная, у ног Карима, когда он швырнул ей скрюченный журнал с осколком жизни из Дамаска, но ради самой себя заставила себя не думать о том, что соперница была достойной. Соперница? Смешно... Кто сама Влада такая, чтобы так говорить... Она даже не девушка его, даже не содержанка, даже не любовница... Шлюха, каких у него были сотни, а то и тысячи. Шлюха с самого начала, еще тогда, когда продала ему за статью свою девственность. Но тогда у него

хватало такта не называть вещи своими именами. А теперь смысла обличать грязь в форму приличия не имело смысла... Она сама погрязла в своей похоти, как в болоте, уступив Кариму...

Карим... Она часто думала нем в эти дни, но не в контексте своей тоски или привязанности. Все – таки в ее эмоциях к нему было нечто другое. Если по Васею она страдала и на расстоянии, но в отношении Карима действовало правило магнитного притяжения – она далеко от него, и его магнитное поле больше не манит... Но вот переживания за него не отпускали. Она волновалась за его судьбу, которая, очевидно, была не столь радужна, как ее... Явно никто не держал его в пятизвездочном отеле... То, что могли с ним делать, пугало ее... Она ненавидела его за всю перенесенную боль, и в то же время испытывала искреннюю благодарность. Никто до него так искренне и так открыто не говорил о своих чувствах к ней, никто так отчаянно не был готов вознести ее к небесам и скинуть в пропасть, никто не подставлял свою грудь, чтобы защитить ее от пули...

Как только в голове появлялось слишком много хороших воспоминаний о нем, Влада заставляла себя не думать. Словно она стеснялась Васея, словно он мог прочесть ее мысли...

ГЛАВА 2

– Васель, надо кое – кого показать тебе, – деловито и серьезно перебил смеющуюся компанию Адель.

– Не сейчас, друг, поехали лучше ко мне, развлечемся, – стискивая своей рукой пышную задницу вульгарной девчонки, попытался отделаться от него Васель. – Давай, в Яафур, достала уже эта Джерамана. Так жарко, сил нет... Хочу окунуться в бассейн – Девочка, ты как, с нами? – он не помнил ее имя. Зачем?

– Айва, инсании (араб. – конечно, мой мужчина), – ма-нерно и пошло протянула та в ответ.

– Васель, иза битриду (прошу тебя), – серьезно посмотрел на друга Адель. Фи шей ктир мухимм (есть кое – что очень важное).

– Если это не так, я тебя застрелю из того пистолета, который ты мне подарил, – отпустив, наконец, телку, сказал в шутку, но мрачно Васель и нехотя поплелся к машине за другом.

– Езжайте без меня, – на ходу оборачиваясь к компании, протянул мужчина, – там слуги, вам откроют. Али, только посмотри, чтобы эти ослы не изнасиловали моих филиппинок – уборщиц, – громко засмеявшись прокричал Васель. Компания звонко прыснула ему в ответ.

Они сели в машину. Адель почувствовал, как сильно от

Васеля пахнет алкоголем. С момента возвращения Влады он стал еще более невыносим для окружающих. Его свинское поведение было уже невозможно скрывать ни от родственников, ни от невесты, ни от дамасских сплетников...

– Что ты с собой делаешь, брат? – начал он его поучать.

– Не мучай хотя бы Мирну. В чем виновата эта девушка?

– Заткнись! Ты для нравоучения меня вытащил что – ли, – и он уже собирался вылезать из машины, когда Адель резко схватил его за плечо и остановил.

– Нет, это важно, посмотри сюда, – он протянул ему какой – то ноутбук. Васель скептически и раздраженно взял его из рук.

– На фига мне это старье? – спросил он раздраженно.

– Это касается Влады, брат, – тихо ответил Адель, предвидя первую вспышку гнева друга. Но он знал, что за ней стоит... Он все понимал...

Васель молниеносно подскочил к другу и зажал его горло.

– И все это ради этой шармуты? Ты что мне раньше не сказал? Меня ничего не интересует про нее!!! – потерял он контроль над собой, настолько, что к парням сразу подскочили охранники, услышавшие крики в припаркованной машине.

Прозвучало Ее имя и Васелю снова стало неимоверно больно. Сука, она не покидала его головы и сердца. Сегодня он видел ее в гостинице, такую красивую и изящную, такую возвышенную и утонченную, но все это оболочка – грязная

шлюха внутри. Она поддалась, она не удержалась. Он стал сталкером, противным самим себе... Секретно караулил ее у отеля, специально снял номер в том же крыле, с видом на внутренний двор – там, где она купалась в бассейне, загорала, читая книгу, завтракала и обедала... Он наблюдал за ней... Скучал... Ненавидел...

Когда он увидел засосы на ее шее, искусанные пухлые губы, он почувствовал настоящую боль. Физическую. Все эти месяцы он догадывался, опасался, надеялся, злился, бесновался, старался не думать... Но все это было с таким спасающим «если»... А теперь не было никаких сослагательных наклонений. Была реальность. Была звериная боль. И даже не от ревности. От ее предательства. От того, что пустила в свою голову, тело и, возможно, душу, другого. Осознание этого факта упало, словно мина, упало на его сердце, которого, он думал, у него нет... Болело в груди, а не в члене... Но эта боль пройдет, как заживают все его раны, – утешал себя Васель, а сам загорался новой волной агонии...

Единственное желание... Уничтожить Дибя... Забить до смерти... Обречь на длительную и мучительную смерть... Он хотел стереть его с лица земли, сделать так, чтобы ничто в этом мире не хранило память о нем... Но этого уже сделать было невозможно... Он уже в памяти... Его, ее... Больше всего думать, что она хотела его, что она отдавалась ему по собственному желанию... Он думал про их похоть и ему становилось тошно...

Тогда, выйдя от нее из больничной палаты, он чувствовал, как внутри все разрывается на части от противоречий... Его буквально раздирали ревность к ней, обида за свою глупость на самого себя, ненависть к нему... Но в то же время, он понял, как же сильно скучал по ней, как хотел поглотить в своих объятиях, привязать ее к себе и больше не отпускать... Забыть все это, как страшный сон... Но не забывалось... Нет ничего больнее измены любимого человека. Теперь он знал это точно...

Он уже третий раз пытал доктора на предмет результатов ее анализов.

– Беременность исключена? – ненавидел себя, что приходится униженно и пораженчески спрашивать об этом.

– Судя по результатам, да, но... не мешало бы проверить кровь на гормоны еще через пару – тройку недель. Если у пациентки был коитус в этом цикле, придется подождать... – прочистив горло, отвечал врач. Неизбежно все понимали, что за этим неестественным интересом стоит нечто большее, чем дежурная формальность...

Васель с силой сжал кулаки... он горел в аду... Он видел результаты заключения ее гинеколога еще тогда, когда только собирался знакомиться с ней, когда читал подробное досье о Владе, содержащее абсолютно все данные, имеющиеся на нее в глобальной паутине – начиная от предпочтения в покупках, заканчивая распечатками всех результатов меди-

цинских анализов. И еще тогда ее диагноз про бездетность смутил его. Тогда еще он сам не понимал, зачем, но почему – то решил обратиться к опытному специалисту с ее выписками из медкарты. Тогда еще он просто и подумать не мог о будущем с ней, но, видимо, фактор способности партнерши к зачатию на каком – то подсознательном уровне важен для самца. Доктор был крайне удивлен такому однозначному диагнозу, сказав, что, конечно, ее привычный гормональный фон действительно может помешать ей забеременеть быстро и легко, но при благоприятном состоянии здоровья, регулярности половой жизни гормоны имеют свойство менять свое количество в организме, поэтому беременность вполне вероятна... И вот сейчас он как раз и боялся, что эта самая вероятность станет реальностью... Только не с ним...

Откашливаясь после захвата Васеля, Адель прокричал своему другу:

– Не могу смотреть, как ты себя убиваешь! Что это за магия за такая? Любишь – иди к ней! Ненавидишь – выкинь из своей жизни!

– Уже выкинул, – процедил сквозь зубы Васель.

– Ага, вижу я, как ты выкинул... Ты стал маньяком. Не вылезаешь из ее отеля, как мартовский кот... Васель, пойми, если хочешь забыть, надо перестать все время искать ее присутствия. Тебе же не семнадцать лет... Что это за игры за такие...

– Нет игр, Адель, – он зажал лицо руками и громко вздохнул, – она предала меня... Не могу ей простить... Не могу... И выкинуть ее из головы не могу... Моя она... С первого дня, как увидел... Даже тогда, когда еще совсем другие планы в голове были на ее счет...

Друг глубоко вздохнул. Он все видел и понимал... С самого начала...

– Знаешь, вот только не вскипай, но прав был Айман, тебе не стоило так сильно все запускать...

– Еще раз я услышу имя этого урода в моем присутствии, отправишься к нему, на тот свет, – свирепый взгляд, всполохи ярости и гнева в тоне...

Адель лишь фыркнул, но сразу перевел тему.

– Посмотри, что на компьютере, брат. Мы забрали его из дома, где она находилась, предположительно из ее комнаты. Там файл на русском. Я не знаю языка, но мне кажется, это что – то типа дневника или воспоминаний... Почитай... И сразу поймешь все... Может там все ответы на твои вопросы... Ты ведь паришься о том, что она чувствовала, что к нему испытывала... Почитай... Откровеннее, чем там, она тебе никогда не расскажет, уверен...

Васель молча вышел из машины, прихватив с собой ноутбук. Поднялся наверх, зашел обратно в кабинет, воткнул штекер в розетку и начал читать...

Он стал одним большим комком нервов... По вискам би-

ло со скоростью света... Злость, обида, жалость, ревность и почему – то какое – то облегчение. Запрятанное глубоко в сердце, оно все же проклевывало свои слабые неуверенные ростки... Все сливалось воедино в нем...

Васель молча вышел из комнаты и сел на один из стульев, стоящих в ряд в коридоре. Он ушел глубоко в мысли, блуждая по хаотичному набору, всплывающему в памяти – она, ее слезы, полный боли и раскаяния взгляд, избитый, злой, но триумфально смотрящий на Васеля при задержании Карим, этот дневник... Он не заметил, как рядом подсел Адель.

– Ты как? – спросил его друг.

– Норма – ответил Васель и вдруг резко подскочил и пошел прочь из здания. Адель не стал его останавливать. Ему нужно было переварить все это...

« – Если бы я тогда послушала тебя, если бы не поехала одна... Думаю об этом – и сама себя ненавижу... Разве это была я, разве Влада могла пойти на такую несусветную глупость... Могла, потому что любила... Так любила, что готова была на сумасшествие. Ревность выжигала меня изнутри. И мне было важно все это увидеть своими глазами. Важно было посмотреть со стороны на то, как ты там с ней... Иначе бы простила, поверила. Любовь слепа, она всегда решает все сомнения в пользу любимого...

Сколько раз во сне я проигрывала все назад... Я молила, молила, чтобы ты услышал меня. Я звала тебя... Тебя,

каждую ночь... Я сходилa с ума... Боже, как мне плохо... Зачем мне все это?! Я больше не могу! Я слишком слабая! Ты был прав, таким, как я, тут не место!»...

«Карим сделал самое невыносимое, что может сделать любящий человек. Подставил себя под пулю, предназначенную мне... Я тону, словно в зыбучем песке, в его глубоких чувствах ко мне. И мне все сложнее цепляться за призраки тех надежд, которые я питала к тому, кого люблю... Он умудряется разбивать мне сердце даже на расстоянии... Разум кричит мне – оставь надежду,пусти в сердце другого, лучшего, более правильного, более искреннего, более понятного. Но разве у Карима с самого начала был хоть один шанс. Васель поглотил каждую клеточку моего естества, изменил мой ДНК, соединил со своим... И я даже не заметила, когда это произошло. Он стал моим воздухом... И иначе теперь я дышать не умею, имитирую... Любят не за что – то. Любят вопреки... Любят потому, что любят... Любовь – сумасшествие,отправляющее нас по самому глупому, нелогичному пути. Она забирает у нас самое важное – самих себя, свою логику, свой разум. Но если бы было иначе, это была бы не любовь...»

Глаза быстро выхватывают новые абзацы, и дышать все сложнее. Все больше ком в горле...

«Я ненавижу себя за слабость своего тела, но утешает лишь то, что она не имеет никакого отношения к моему сердцу. Оно будет всегда биться в унисон с тем, кто вы-

брал своей женщиной другую. Благодарна женской природе, что она оставила нам хоть это – мы можем желать на инстинктивном уровне... Я хочу Карима, но мне стыдно от этого чувства... Васель не покидает моей головы, хотя его призрак становится все более и более аморфным на фоне маниакальности Карима. Он требует себе всю меня, удушает своим нахрапом, и я могу задохнуться, не дожив до того момента, когда смогу снова взглянуть в глаза своей истинной любви...»

Сердце сжалось от боли.. Напряжение и усталость, стресс и отчаяние – все больше наваливались на Васеля по мере того, как глаза неслись по строчкам... Захотелось обнять ее, крепко прижать к себе, так крепко, чтобы даже дыхание сперло. Да, она была слаба, она мучилась, она колебалась, она была не готова к такому... Но все же она любила Его...

Успокаивало ли Васеля это? Скорее да... В нем все клочкотало как в самце, когда он думал про их близость с Дибом, но разве сам он не пробовал забыться в объятиях других, не пытался дистанцироваться от своих чувств к ней... А все из – за этой адской боли в сердце... Эта боль была у них одна на двоих... Адель прав... Так дольше продолжаться не может... Он должен это либо принять, либо отпустить... Но отпустить он не мог, не хотел, не собирался...

Он закрыл глаза, вспоминая свою нежную девочку... Ее отчаянные попытки смотреть на него, подняв голову, на равных, и в то же время отчетливый стыд и раскаяние в бездон-

ных янтарных глазах. Она была вся на ладони со всеми своими яркими эмоциями... Стыд, сожаление, ревность, любовь, тоска... Он сейчас же поедет к ней и постарается все исправить, что бы ему это ни стоило, даже если придется проломить черепа этим тупым недоохранникам, приставленным к ней общей разведкой Дамаска, в чьем ведении сейчас находился Карим Диб и его дело, а ее защищали как важного свидетеля и... возможный рычаг давления на него... От мысли об этом стало яростно... Никто не смеет использовать его девочку... Никто, кроме него самого... Ни для чего...

Он умылся холодной водой, чтобы окончательно протрезветь. Алкогольный дурман и так покинул его, как только он прочитал ее откровения. Выглядел он паршиво, но это имело последнее значение сейчас...

На ходу выходя из кабинета, набрал Аделя:

– Я выезжаю в город, через полчаса буду у отеля. Где она?

Адель понимающе вздохнул, про себя сомневаясь, стоит радоваться или печалиться столь активной перемене настроения друга и начальника. На худой конец, он сам не читал содержимого ее дневника, Бог один знает, что там было...

– Надеюсь, ты не собираешься играть роль Отелло и убивать ее?

Васель раздраженно фыркнул – Ответ на поставленный вопрос?

– Остынь друг. Она не в отеле... Рядом... Вышла посидеть в кафе с... Только сейчас не взорвись снова... С этим рус-

ским журналистом, Егором... Там ничего нет, поверь мне, они просто общаются... Может лучше потом поговорите?

Адель чертыхался про себя... Сцены не избежать... Почему, как назло, ей приспичило выйти в город с ним именно сейчас... Она целыми днями напролет сидела либо в номере, либо а бассейне с книгой... И тут...

– Точный адрес. Мне на вотсап. Сейчас, – сквозь зубы прочеканил Васель и безапелляционно повесил трубку.

ГЛАВА 3

Настроение было более чем паршивым, но надо было держать лицо и как – то жить дальше в том странном мире, заложницей которого она стала сейчас. Из тюрьмы в тюрьму, – с печалью пронеслось у Влады в голове. Егор всегда был хорошим товарищем и коллегой. Пожалуй, он остался тем единственным, кто продолжал существовать в ее новой жизни затворницы отеля... Амани она все еще так и не решилась набрать, но та, скорее всего, и не подрывала о ее возвращении, как и абсолютное большинство будучи убежденной, что девушка поспешно улетела в Москву и все это время находится там... Интересно, что она думала в тот день, когда Влада пропала в кабаре... Чувствовала ли свою вину.

Они не стали испытывать терпение Владиной незримой охраны, решили посидеть в кафе недалеко от отеля, благо, что погода была комфортной – хоть и солнечно, но не очень жарко. Место было по – европейски гламурным, одним из излюбленных локаций тусовок местной золотой молодежи. Под ложечкой предательски кольнуло – он ведь тоже мог быть здесь... В голове пронеслась эта глупая и предательская нелепая надежда... На что? Зачем? Но сердцу ведь не прикажешь... Не найдя желанную синеву любимых глаз в толпе гламурных зевак, понуро опустила голову, горько сглотнула и с болью в сердце поплелась за оживленно лепечущим ей

что – то Егором.

С момента возвращения девушки из плена в Егоре что – то изменилось, и она все никак не могла понять, что... Он единственный знал о случившемся, но тактично не задавал лишних вопросов, лишь в самом начале утвердительно кивнув о том, что частично был информирован о готовящейся операции по ее освобождению и даже общался с Васелем на эту тему... Влада избегала вопросов о своем плене, поэтому облегченно вздохнула, когда поняла, что Егор и сам не особо рвется будировать эту тему.

Он стал мужественнее, смелее. Глобально он никогда и не отличался трусостью. При своем весьма сублильном телосложении парень был далеко не из робкого десятка, бросая себя на амбразуру журналистского сумасшествия, свойственного всем хорошим военным корреспондентам. И только сейчас, улавливая его неловкие и робкие попытки поухаживать за ней, проявить чуть больше внимания, чем это всегда дозволялось характером их дружеского общения, девушка стала понимать его поведение. Он начал воспринимать ее открытость на общение с ним так, как ранее себе воспринимать не позволял, увидев в ее дружеском интересе нечто большее. И в какой – то момент девушка, сидя с Егором уже не первый раз за безобидной беседой, позволяя ему помочь ей сесть, сделать за нее заказ, оплатить счет, даже задумалась о том, что из этого могло бы выйти. Это была бы замечательная обычная семья, хотя даже не обычная. Журналистская, про-

фессиональная чета. Егор явно пойдет далеко, подтянет за собой Владу, как, впрочем, не раз уже делал и просто так, без ожидания чего – то взамен. Они будут жить в милой квартирке в новостройке в неплохом зеленом районе Москвы, ездить в командировки, ходить с веселыми друзьями в бар по пятницам, стоять в пробках на дачу к его родителям по субботам. Будут путешествовать без заранее купленных путевок с толстыми путеводителями в руках и иметь одну машину на двоих, потому что больше и не нужно с московскими реалиями на дороге и дороговизной парковок в центре. С ним будет активный досуг, регулярный приятный, но не фееричный секс, подписка на нетфликовские сериалы на большой плазме в зале, походы по музеям, чтение интересных книг, почитание детей и взаимное уважение... И еще год назад такой вариант семьи для нее, прошедшей интернатское одиночество, казался единственно возможным, единственно желанным, идеальным... Но почему тогда сейчас от одной мысли обо всем этом становилось больно, тошно, печально... Она стала антилопой, попавшей в прайд гепардов... И теперь ей нестерпимо возвращаться обратно к своим, но вот хищницей ей тоже не стать никогда...

Влада что – то оживленно рассказывала Егору, когда поймала его озадаченный и немного ошарашенный взгляд, устремленный в сторону, а потом услышала характерный скрежет по полу отодвигающегося стула. Резко обернулась

на звук и чуть не охнула, увидев сидящим теперь за их столом Васеля.

– Что ты тут делаешь, Влада? – гневно обрушился он на нее, не здороваясь.

– Тот же вопрос я могу задать и тебе!

– Что такое? – попытался было вмешаться Егор.

– Не вмешивайся! – резко рявкнул мужчина. Влада недовольно фыркнула, но промолчала.

Бедный парень немного стушевался и замолк, но все же не сводил взгляда с парочки, смотрящей друг на друга, как два быка.

– Я делаю, что хочу! – огрызнулась Влада, – и не твоего ума это дело!

Как забавно, еще десять минут назад она мысленно молилась, чтобы хотя бы украдкой, хотя бы издалека иметь возможность его увидеть... А теперь он был перед ней, во всей красе. Осязаемый... И ей хотелось расцарапать ему лицо, вырвать глаза... Обида, злость на его несправедливые суждения, ревность – все разом затопило ее сознание...

– Не понимаю, чем ты думаешь, разгуливая по городу. Пойдем отсюда, – резко сказал он Владе, хватая за руку.

– Простите, Вам что – то предложить? – немного разрядил обстановку подошедший к Васелю официант, казалось бы, совсем не вовремя, а может быть и специально это сделавший во избежание ненужных сцен в заведении.

– Ахва масбут (араб. кофе), – бросил тот небрежно, нехотя

отпуская ее руку, но не сводя глаз с девушки.

– Смотрите мило, два голубка, – поцарапал словами Васель. – А ты время зря не теряешь, детка... Свято место пусто не бывает? – так у вас говорят в России?

– Что ты несешь? – процедила девушка сквозь зубы злобно, – перестань вести себя, как урод!

Принесли кофе. Он залпом его выпил. И снова этот тяжелый взгляд на Владу. На Егора он целенаправленно не обращал внимание, по крайней мере, делал вид. Парень заметно нервничал...

– Влада, если ты хочешь, мы сейчас же уйдем отсюда, – сказал он девушке тихо и вкрадчиво.

– Хочу, Егор, пойдем, – ответила было Влада, но тут же снова почувствовала довольно резкий захват у себя на руке.

Девушка стала вырываться – ты в своем уме?! Сейчас же пусти меня!

– Сядь! Не привлекай внимание! Если будешь орать, через три секунды тут соберется половина Дамаска! – на них действительно стали оборачиваться. Это вообще национальная черта – тарашиться на все и вся...

– Парень, не строй из себя Ромео. Единственный Ромео здесь, – Васель усмехнулся, – я. Погуляй пятнадцать минут. Нам надо поговорить с твоей... коллегой, – специально пауза перед последним словом. Это он так оценивал ее профессиональные качества или намекал на подозрения в отношении их двоих...

Егор не сдвинулся с места, посмотрев на девушку.

Влада кивнула другу, – Пять минут, потом уходим отсюда.

Они выждали паузу, когда тот удалился внутрь кафе, и снова накинулись друг на друга с претензиями и упреками.

– Ты понимаешь, что на нас и так все таращатся?! Что тебе от меня надо?! – возмутилась Влада.

– Ты ведешь себя, как ребенок! Никакой осторожности! Понимаешь ли ты, что тебе нельзя вот так разгуливать по городу! Это опасно! Думаешь, этот школьник защитит?!

– Что тебя больше волнует, защитит ли он меня или же тот факт, что он со мной? – она посмотрела на него с вызовом.

Секунду Васель прожигал ее глазами, не отрываясь, потом резко схватил за голову и прижал свои губы к ее губам. Он поцеловал ее грубо и быстро, но никак не ожидал, что она будет так сильно вырываться.

Влада злобно шипела и с силой вытерла губы. – Не смей так больше делать, идиот! Иди, целуй свою невестушку! – она сверкнула глазами. Васель сглотнул. Об этом бреде он совсем забыл. Вот что за такая озлобленность, она злится за Мирну...

Смотрит на нее с кривой усмешкой, совершенно не обращая внимания, что взгляды абсолютно всех присутствующих в кафе прикованы к ним.

– Она не имеет никакого отношения к нам, Влада. Никакого...

Какой же он все – таки мерзавец. Сил нет. Даже не пыта-

ется себя оправдать, что – то опровергнуть...

– Поехали ко мне, надо поговорить... Нам многое надо обсудить... Я был не прав там, в больнице. Погорячился... Пойми, ревность меня сжирала...

Влада печально усмехнулась.

– Ревность его сжирала... Васель, ты либо совсем спятивший, либо просто свинья... Это ты мне говоришь про ревность? Это ты считаешь уместным мне что – то предъявлять, в то время, как сам собрался жениться?

– Все не так...

– Не так? А как? Скажи мне, что это блеф... Что это неправда...

Взгляд тяжелый, печальный...

– Это правда, Влада. Я женюсь... Но это ничего не меняет для нас... Для тебя ничего не меняет...

Теперь она уже гомерически смеялась, трясясь на грани истерики...

– Нет нас, Васель... Не было никгда... Всегда был только ты и твои многочисленные телки, в число которых входила и я... Входила. Больше нет... Уволь... Ты не имеешь право мне что – то предъявлять. Ты потерял его не сейчас, и не когда засватал эту твою Мирну. Ты потерял это право, когда трахался у меня за спиной с русской кабарешницей! Думаешь, тот инцидент я забыла?! Черта с два! Если ты сейчас же не встанешь и не уйдешь отсюда, я начну истошно кричать, и завтра уже весь город, в том числе и твоя благоверная, будут

обсуждать, как ты мне заламываешь руки и насильно целуешь средь бела дня...

– Ты хочешь быть с ним, с этим мудаком Дибом?! – если бы он мог убить ее взглядом, то сделал бы это, гарантированно.

Она закрыла глаза ладонью.

– Господи, оставьте меня все в покое. Ни с кем я быть не хочу. Ни с кем! Я устала от этой постоянной борьбы! Моя, моя, моя! Нет! Я ничья! Я человек! Я уже говорила тебе это не раз, повторяю снова – в последний!

Мужчина ничего не ответил, не сводя с нее железного взгляда, небрежно бросил на стол крупную купюру денег, которая с лихвой покрывала счет не только за его кофе, но и за всю их трапезу и встал, на ходу отчеканив:

– Марш в отель. Я сегодня приеду и мы поговорим.

– Да пошел ты, – отрезала девушка с пренебрежением, сама вставая из – за стола и стараясь ретироваться с каменным лицом, не смотря ни на кого в зале.

И только подойдя к мрачно взирающему на эту сцену со стороны Егору она немного ослабила свою хватку на чувства – слезы сами потекли из ее глаз.

Васель сидел в машине и чувствовал себя полным придуком, запутавшимся в себе. Нет, не в чувствах, с этим все было предельно ясно. Он на автомате открыл бардачок и в который раз за эти проклятые месяцы достал оставленные

ею еще в начале их отношений трусики, вернее, отобранные им у нее на парковке у его дома. Теперь все события тех месяцев казались игрой, развлечением с надуманным драматизмом. Он взял их и втянул ее аромат... Мужчина с силой сжал тонкую кружевную ткань. Пустота в сердце начинала нагнаиваться и болеть... Все больше и больше... Его продолжали раздирать вопросы, самонакручивание убивало изнутри, ревность, боль, уязвленное эго за то, что кто – то посмел прикоснуться к тому, что его... Еще и эта нелепость с Мирной... Ему становилось тошно от мысли о ненужной ему свадьбе, но сейчас был самый неподходящий момент идти против семьи, против желания деда... Он обязательно разрулит и этот вопрос, но не сейчас, когда публичный скандал станет лишь еще одним толстым гвоздем в гроб авторитета правящего клана... Не так его воспитали... Он должен создать во благо родины и семьи, а не совершать глупые, эксцентричные поступки, нелепые и непонятные для восточного традиционного общества. Пусть временный штиль воцарится хотя бы на одном из берегов его беспокойной жизни... Потому что в этой долбанной истории с чертовым любовным треугольником, в которой он выглядел сраным рогоносцем, бушевала настоящая буря... Слушая советы друга, он давал себе время остыть, немного подождать, подумать и не встречаться ни с одной, ни с другим. Да – да, он обязательно должен переговорить с Каримом, но только так, чтобы не убить его на месте... Согласился с Аделем, что нужно подостыть и

продумать свое поведение с ним... Все – таки речь шла не о банальном любовнике его женщины, речь шла о центральной фигуре в сирийской революции, которого удалось, наконец, арестовать... Но время все только усугубляло, только делало Васеля злее, подозрительнее, маниакальнее. Незачем больше тянуть... К черту эти рамки самоконтроля. Будь что будет, иначе это закончится его личным апокалипсисом... Он резко завел мотор и стартанул, направляясь туда, куда должен был съездить уже как пару недель назад...

ГЛАВА 4

– Вот он – сухо сказал Адель вошедшему Васелю, кивнув в сторону окна, за которым была комната для допросов. Двадцать минут назад мы вкололи ему Дзедин – препарат, развязывающий язык даже самым серьезным «молчунам». Теперь он расскажет тебе все.

Васель молча кивнул и всмотрелся в сидящую в наручниках фигуру статного мужчины. Изможденного, избитого, но все же сохраняющего свое гребанное достоинство... Он возмужал со школьных времен...

– Я хочу поговорить с ним один, без свидетелей, ушей и глаз, – твердо сказал Увейдат, не отрывая взгляда от врага и соперника, некогда являвшегося его самым близким другом.

Адель молча дернул за рычаг жалюзи. Они со скрипом закрылись.

– Не волнуйся, я прослежу, чтобы ваш разговор не слушали.

Васель сжал руку в кулак и зашел в комнату.

Карим лишь обреченно и угрюмо поднял глаза на входящего. Казалось, то ли от действия лекарства, именуемого в народе «сывороткой правды», то ли от побоев, он банально не мог даже сфокусировать на входящем взгляд.

Васель встал перед ним, подобно победителю. Его кровь закипала, глядя на этого наглого ублюдка, укравшего у него то, что принадлежало ему.

– Встань, осел – грубо сказал он ему.

Карим не пошевелился. Васель подошел к нему и наотмашь ударил по синему и вспухшему от побоев лицу.

Тот выплюнул кровь, но не пошевелился, процедив сквозь зубы, – Что с того, что ты бьешь меня связанным? В этом вся твоя сила, Увейдат? – он снова сплюнул кровь и даже не стал поднимать глаза на пылающего гневом парня.

Васель усмехнулся.

–Идиот хомрский, я хочу, чтобы ты встал, потому что собираюсь снять с тебя наручники и поговорить с тобой как мужчина с мужчиной.

Раньше он часто называл так Карима, в шутку, закипая от его упертости, правильности и прямолинейности.

Разбитые губы Карима тоже искривила усмешка, то ли от аналогичных воспоминаний, то ли от желания врезать Васелю. С большим трудом, опираясь локтями о стол, он привстал. Видно было, что движения от побоев даются ему нелегко, – Валяй.

Васель нажал специальную кнопку и позвал стражников.

– Снимите с него наручники, – сухим и не требующим возражения голосом отчеканил он.

Те не осмелились возражать, хотя и переглянулись испуганно, сняли оковы.

– Вон, – снова процедил он им, – и вызови мне ответственного за содержание Дибя. Почему он больше похож на кусок фарша, чем на человека?

Стражники заметно занервничали и засуетлились.

– Ну, так процедура... Отработанная... Допросы...

– И что, много сказал на ваших «допросах»? – презрительно плюнул Васель, не глядя на них, зато не отрывая глаза от Карима.

Те раболепно молчали.

– Вон, – повторил Васель. Послышался скрип железной двери. На минуту в комнате воцарилась тишина.

– Чем обязан такой чести? – продолжал с усмешкой Карим.

– Чести? Просто хочу набить тебе морду.

С этими словами он со всей силы двинул по челюсти Карима. Тот отлетел к стене, но собрался и попытался ответить, схватив Васлея за кофту. Ему явно было тяжелее из – за полученных ранее побоев. Васель снова размахнулся и зарядил ему по физиономии. Карим упал на стол, во рту стало солено от крови.

– Вставай, маньюк (араб. – мат), – закричал Васель.

Карим постарался собрать последние силы, и когда Васель немного отвлекся, будучи убежденным, что его пленник почти в предобморочном состоянии, с силой подкосил его ноги. Увейдат с грохотом свалился на пол. Их тела снова сцепились. Катаясь по полу и выкрикивая ругательные слова, они попеременно пытались задушить друг друга. Оба, словно загнанные звери. Крик не остался незамеченным снаружи. В комнату ворвались трое охранников, растащивших их. При этом схватившие Карима успели быстро нанести ему три – четыре удара под дых.

– Я просил оставить нас! – закричал Васель, – Вон или я посажу вас к нему в клетку!

Охрана, ничего не понимая, снова вышла наружу.

Карим полулежал, опершись спиной о стену, откашливаясь от полученных ударов.

– Хорошо дерешься, не так, как в молодости, – обратился к Васелю.

Тот лишь хмыкнул, поправляя одежду и вытирая кровь из – под носа. Увечий на нем было в разы меньше, но драка не прошла абсолютно бесследно

– Я должен воспринимать комплимент от феллаха (араб. – деревенщина, крестьянин) с почтением? – издевательски проговорил он.

– Нет, что ты. Это ты почтил меня тем, что сам возглавил мой захват в Хомре. Хотя... Как могло быть иначе... Я тоже хотел бы убить за такое. Каково это, когда твоя женщина

больше тебе не принадлежит?

Васель собрал все свои силы, чтобы снова не пуститься в драку, но она была просто бессмысленна. Он не мог даже удовлетворения получить от наносимых Кариму ударов – слишком избит, изможден был тот. Настоящий боец никогда не будет бить того, кто слабее. А сейчас физически это было именно так.

– Влада никогда не переставала мне принадлежать, Карим. Ты сам это прекрасно знаешь. Так будет всегда... Да, возможно, она оступилась, возможно, пыталась выжить и подстроиться под ситуацию, проявив слабость и связавшись с тобой. Это ее вина, и она еще ответит передо мной за нее, но не питай иллюзий, что она сохнет по тебе или оттолкнула меня, как только мы оказались вместе снова. – В последнюю фразу он преднамеренно вложил неоднозначный смысл. Пусть мучается, пусть горит так же, как горит сам Васель... Он говорил эти слова, и его кровь наливалась раскаленным железом... Верил ли он сам в то, что слетало с его уст? Как он ни пытался бороться с собой, яд сомнений и ревности не оставлял его. Сейчас, когда он смотрел на этого возмужавшего, эффектного мужика, мужественно выглядевшего даже в своем плачевном состоянии, опасения и догадки о том, что Диб все же был кем – то большим для нее, чем мимолетным соблазном на фоне стресса, накатывала с новой разрушительной силой...

Карим усмехнулся, хотя на самом деле почти подавлял

слезы... Мысль о том, что она снова в объятиях этого Васеля разъедала его внутренности, словно кислота... Да – да, не только сердце, а все тело... Оно ломило и горело:

– Что значит, она ответит перед тобой? Ты еще и виноватой ее выставил? Это так в твоём стиле, Васель... Ты хоть понимаешь, что ее сердце разбито от новости о твоей свадьбе? Не смей причинять ей боль! Она не заслуживает этого!

Столько отваги в его взгляде, столько отчаяния. Васелю стало даже обидно. Он защищает ее даже сейчас, даже сейчас думает о ней, не о себе... Это внушало уважение, но еще... еще это внушало желание разбить ему морду, разорвать... Слишком хороший, слишком правильный, слишком идеальный, чертов рыцарь, на фоне его самого, кругом ошибающегося, косячащего, ослепленного эгоизмом своих чувств... Карим умел любить, даря... Потому что вырос в нормальной семье, знал любовь родителей, братьев и сестер. Васель, как ни пытался переломить внутреннее «я», продолжал вырывать любовь у жизни, словно ему было вечно мало. Словно он боялся, что его обделят, как обделяли раньше, в детстве. Недолюбленный, нежеланный, чужой...

Васель был быстр, как пантера. Карим получил то, чего желал. Облегчающий внутреннюю боль от утраты Ее кулак со всей силы заехал ему по челюсти уже третий раз за последние двадцать минут... Нервные окончания ответили в мозг. Хотя бы минуту не думать о ней и о нем вдвоем... А вот Васель так и не обрел желаемого освобождения...

– Я сделаю из тебя кебаб, кус ухтук (араб. – мать), не смей даже думать о ней, нелюдь! Она моя! Даже не смей о ней заикаться! Заткнись! – кричал он в неистовстве.

– Я заткнусь только тогда, когда узнаю, что она не ждет от меня ребенка! – прошипел он в ответ.

– Не волнуйся, это не произошло! *Единственным мужчиной, от кого она родит детей, буду я, Диб. Запомни это раз и навсегда, что бы ты там себе ни нафантазировал!* – злобно отчеканил Васель, не сводя взгляда с бывшего друга. – И тебе ли говорить о нежности, Диб? Смотрю, это тюрьма сделала тебя таким сентиментальным?! А как на счет того, что ты изнасиловал девушку в отместку мне? Это ты так мне отомстил за ту историю? Много ты знаешь!

– Не смей поднимать эту тему, Увейдат. Не смей, – не говорил, пробил кувалдой по железу... – Эта история не имеет никакого отношения к Владе. Я люблю ее, и мне плевать на тебя, Васель. Молись, чтобы меня казнили, потому что иначе я буду бороться за нее до конца... Уж поверь мне, я говорю правду. Вы же специально вкололи мне дурь, чтобы язык развязать. Так вот, услышал мою правду? Я все сказал. А теперь уведите меня. – Он с силой ударил по стене, зная, что эхо от железных панелей даст знать охранникам, что пора вмешаться в происходящее внутри.

Уже в дверях Карим напоследок обернулся на друга,

– Знаешь, а ведь ты меня понимаешь по – мужски, что это того стоило. Даже несмотря на то, что я все потерял из – за

нее. Она стоит целой страны, Васель. Даже долбанной жизни моей стоит. И она все – таки существует, Васель. Та кукла – балерина на статуэтке. Помнишь ее?

Васель тяжело вздохнул.

– Помню... – почему –то глаза в пол, убирает их от Карима, – эта статуэтка у меня до сих пор. Забрал ее у тебя тогда, на ферме... Эта статуэтка – единственная женщина, которую я у тебя когда – либо забирал, Карим.

– Не смей, Увейдат, не смей... Не трогай Амаль...

– Я никогда не забирал у тебя Амаль, у вас всех... Поверь мне на слово... Или не верь и продолжай жить в обмане... Это не моя тайна, не мне ее раскрывать... Просто знай это.

ГЛАВА 5

Влада не помнила, как они с Егором дошли до отеля. Сотни раз извинившись перед парнем за испорченный день, поспешно распрощавшись с ним в фойе, она буквально вбежала в свой номер, обрушив на подушку потоки своих слез. Как же дьявольски больно было от его равнодушного признания факта своей помолвки и будущей свадьбы, от того снисходительного тона в адрес ее «приключений» в Хомре. Словно он говорил о неудачно выбранном ею цвете волос, а не о трагедии и драме, ужасе и стрессе, которые она пережила... А еще его поведение... Наверняка их вместе заметили куча народу. Чего ей хотелось меньше всего, так это ненужного и необоснованного сейчас внимания журналистов – желто-прессников и сплетников столицы...

Она с содроганием сердца ждала новой серии его эскапад в свой адрес. Боялась, что его назойливое желание «поговорить» выльется в скандал на весь отель, но он так и не появился. Ни вечером, ни на следующий день.

— Это так в его стиле, — думала Влада, лежа в кровати и не желая выходить даже к завтраку. Самое ужасное, что внутренне ее щемило чувство того, что он не пришел, как обещал... Это какая — то постыдная зависимость... Какое — то наваждение, которое она все никак не могла от себя отогнать...

Если в СМИ, как с облегчением на следующий день выдохнула Влада, их скандал с публичными выяснениями отношений, его распусканием рук и губ не всплыл, то уж добрые языки остановить точно не удалось... Поэтому когда через пару дней ей позвонили с ресепшн и сказали, что ее спрашивает какая — то девушка, Влада сразу догадалась, кто эта гостья и зачем пришла, хотя и совершенно не понимала ее мотивацию... Хотя одно было точно понятно. Рано или поздно этот разговор должен был состояться. У всех арабских жен и невест бывают такие разговоры с грязными любовницами святых мужей. Женщины здесь предпочитают угрожать, уговаривать или предъявлять факт измены не мужу, а «шармуте», которая его «опоила, окрутила, обманула, несчастного»...

— Извините, сейида (араб. — госпожа) Влада, к вам тут

гость, – промолвил учтивый консьерж.

– Мужчина? – сразу выпалила она, в тайне надеясь, что это Он. Совершенно растерянный. Совершенно разбитый. Осознавший все свои грехи... Внутри почему – то при этом все затрепетало...

– Нет, – вернул ее на землю охранник, – это женщина. Девушка...

– Точно ко мне? – решила удостовериться Влада.

– Акид (араб. – совершенно точно).

– Хорошо, я сейчас спущусь, – решила она и пошла вниз, скрипя сердце. Ей было совершенно не до женских разборок сейчас.

Она спустилась вниз на первый этаж, полностью отданный под кафе и ресторанчики. Посмотрела на консьержа, который указал ей на уже занятый компактный столик на террасе уже знакомой ей из журналов девушкой. Она была красивая, эта Мирна. Объективно. Арабской, яркой, пленительной, спелой красотой. И она ему подходила... «Люди одной масти», – подумала Влада...

– Здравствуйте, чем – то могу помочь? – на арабском обратилась к ней Влада, стараясь по возможности сохранить хорошую мину при плохой игре. Получалось это плохо. Ей было неловко. Влада стояла в растянутом свитере и джинсах, на низкой платформе, в то время, как ее соперница, если можно так назвать законную невесту бывшего любовника, была разодета в пух и прах. Дорогая сумка и туфли – сти-

леты, уложенная стрижка – каре на густом волосе цвета вороньего крыла. Подчеркивающее достоинство темно – синее платье и бриллианты. В общем, в лучших традициях арабской элитарной дамы.

Незванная гостья сначала несколько высокомерно оглядела Владу с ног до головы, отчего той стало очень не по себе. И только после этого, наконец, выдавила из себя: – Здравствуйте, думаю, нам есть о чем поговорить. Забыла представиться, Мирна Лейс.

– Влада, – сухо ответила она.

– Я знаю Вас, Влада. Поэтому и пришла...

Она преднамеренно сделала акцент на ее имени, подчеркнув то, на что сама девушка, видимо, изначально внимания даже не обратила. Для всей Сирии эта сидящая напротив нее арабка была «мин бейт Лейс» – из семьи Лейс. А Влада оставалась просто Владой... Без роду и племени... Собеседница вдруг стала очень серьезной, даже хищной, и начала, наконец, разговор начистоту. При этом на хорошем английском, хотя и с небольшим акцентом.

– Не знаю, в курсе Вы или нет, но с недавних пор мы помолвлены с Васелем Увейдатом. Вам, как я понимаю, хорошо знаком Васель, так ведь? – продолжала напирать незванная гостья.

– Допустим, и что с того? Я журналист, мне знакомы многие... – приняла вызов Влада. Держалась, как могла...

Собеседница вскинула бровь. Она старалась вести себя

максимально холодно.

– Некоторые работники Васеля, зная характер связывающих нас отношений, докладывают мне о его делах, о его жизни... Так вот, они мне и сообщили, что некоторое время назад он... развлекался с Вами... – Она бросила на девушку колкий взгляд, зная, что ее формулировка оскорбительна даже для человека, для которого английский не родной.

– Я писала о нем серию статей. Работа завершилась – и все, – попыталась отсечь ее Влада.

– Я знаю несколько больше, чем рядовой сириец, госпожа Пятницкая. Вы были весьма интегрированы в личную жизнь моего жениха. Вы проводили с ним дни, ночи... Бывали в его квартире, в его «доме развлечений» в старом городе...

"Дом развлечений"? Так вот для чего Васель нашел и отреставрировал тот старинный дом в старой части Дамаска. Жар прилил к ее лицу. Действительно, этот дом был продуман так, чтобы от самого его порога до хозяйской спальни использоваться для наслаждения... Неужели она тупо стала очередной игрушкой, затянутой им туда...

– Зачем Вы пришли? – резко спросила Влада в лоб, не желая продолжения неприятного диалога.

По лицу собеседницы пробежала быстрая нервная улыбка, она подыскивала слова и явно была на взводе.

– Поймите меня правильно, я пришла, потому что не могу не предупредить Вас о пагубности подобного рода, как бы выразиться, связи. Я понимаю, что Вы иностранка. Многого

не знаете из местных традиций и обычаев. Не знаете наших мужчин...

– Вы мой адвокат или блюститель нравственности? – Как можно сухо спросила Влада, перебив ее тираду. – И что – то мне мало верится, что речь о банальной женской солидарности.

Собеседница нервно махнула гривой своих налаченных волос

– Понимаете, Влада, Вы, видимо, плохо себе представляете, кто такой Васель.

Она про себя усмехнулась, – думаю, что да....Но вслух произнесла:

– Знаете, вот что – что, а то, кто он такой, я наслушалась уже предостаточно. Думаю, этот разговор не имеет смысла. С Вашим... женихом, – она преднамеренно сделала драматичную паузу, – у меня ничего нет. Можете быть спокойны. Приятно было познакомиться. – Резко закончила Влада и собиралась было уже вставать, чтобы прервать этот неприятный визит, как Мирна почти истеричным голосом пропищала.

– Все уже решено! Вам ничего не изменить! Или Вы думаете, он пойдет против семьи?! Этот брак благословил еще его дед!

– Так что Вы хотите от меня, если все решено? – стараясь максимально сохранить свое достоинство и не показывать глубины уязвленности, спросила Влада.

– Не хочу Вас обидеть, но Вы не первая пассия Васе-

ля.. У него всегда куча женщин. Есть просто на одну ночь, есть несколько постоянных любовниц... Можно закурить при Вас? – спросила вдруг она. Влада понимала, что девушка нервничает.

– Пожалуйста – сухо ответила она, придвинув к гостье пепельницу. –

– Спасибо, – быстро прикурила девушка, продолжая, – знаете, я стараюсь не обижаться, не думать об этом... Ревную, конечно, но что поделаешь. Надо отдавать себе отчет, что такой мужчина имеет слишком много соблазнов... Это ли, знаете, своего рода плата за то, чтобы быть с ним... Вы сами, думаю, понимаете, чего он стоит...

– Ближе к делу, – снова сухо перебила ее Влада. Больше всего было сейчас слушать о том, какой Он классный. Она это и сама знала.

Девушка снова кинула на меня жалящий взгляд, выпустила дым изо рта и продолжала – Вчерашний ваш скандал в кафе на устах у всего Дамаска. Что это за игры за такие? Не понимаю, зачем это Вам, если не желаете создать дополнительные проблемы и переживания, прежде всего, самой себе, да и всем нам.

Она ей угрожала? Или просто так пространно объяснялась?

– Не понимаю, чего Вы боитесь, Мирна. Вы ведь сами сказали, что Ваш брак – дело решенное. У него есть и другие любовницы, Вы с ними тоже ведете подобные откровенные

беседы? – съязвила Влада. Сама она не верила своим словам. Ей было больно от всего, что услышала на этой террасе. – Не кажется Вам, что говорить следует с ним? Это он нарушает мое личное пространство, вклинивается в непринужденную беседу без спроса, распускает руки, устраивает шоу на ровном месте. Я не ищу всего этого...

Мирна напряглась, – Не обольщайтесь. Если думаете, что он Вас любит, – Вы дура. Он не любит никого, кроме себя. Просто тратите свое время и создаете повод для сплетен в нашей среде, что в нынешних сложных для наших кланов условиях неприемлемо. Вы не наша и Вам ничего этого не понять. Просто оставьте его и уйдите из его жизни! – Сурово, в приказном тоне проговорила гостья.

Влада усмехнулась.

– Дорогая, думаю, Вам стоит поставить этот вопрос по – другому – пойдите к своему... жениху. Все эти претензии адресованы к нему. Или Вы хотите, чтобы я передала их за Вас при нашей с ним личной встрече? – Влада блефовала и намеренно злила эту суку, встала уже окончательно и бесповоротно, железно настроенная ни при каких раскладах не продолжать этот неприятный разговор.

Открывая дверь, у себя за спиной, она услышала последние вкрадчивые слова собеседницы –

– Что он в Вас нашел?

Влада сглотнула. Эта фурия, охранявшая свою собственность, была права, возразить ей мне было нечего, да и не хо-

телось, слишком много вещей сейчас душили ее и разрывали изнутри на мелкие кусочки. Все, что она смогла произнести – Ахлян ва сахлян (араб. – здесь – на здоровье). Думаю, дорогу назад вы найдете сами.

Влада вышла вон, с красным, горящими лицом и ушами. Трудно было сказать, что ударило сильнее – вид красивой, ухоженной женщины, даже отчасти более эффектной, чем она сама в потрепанных джинсах, информация о любовницах или подтверждение ее собственных тяжких дум о том, что она лишь его легкое увлечение, как и другие...

Ее в очередной раз словно ударили по голове кувалдой. Час она просто сидела в номере и смотрела в одну точку. Через час из глаз сами собой полились слезы. Она проплакала часа три. Потом собрала себя, растекшуюся по столу, и пошла в душ...

Не было сил ни на что... Она завалилась в кровать и пока не заснула, смотрела русские мультики по одному из спутниковых каналов. Так хотелось в детство. Только не в свое. Своего у нее не было.

ГЛАВА 6

Разговор с Мирной подкосил ее окончательно. Эта будущая самка уверенно пыталась метить свою территорию. Делала это нагло и в открытую. От ее меток воняло. И Влада чувствовала эту вонь на себе, чувствовала себя грязной и низкой. Васель так и не объявился. И может оно было к луч-

шему. Ей нечего было ему сказать. Она прибывала в неком информационном вакууме. О том, что с Каримом, тоже не было никакой информации... Этот образ жизни начинал тяготить, Влада все больше ощущала себя банальной пленницей. Хотелось сделать что – то провокационное, назло им всем... И вот, совершенно случайно, спускаясь в очередной раз на завтрак, в фойе она увидела афишу о планируемом тем же вечером концерте у них в отеле. Такая практика с началом войны стала крайне распространенной – в гостиницам мероприятия были самыми безопасными, поэтому плавно концерты современных звезд с привычных площадок перетекли именно туда. Это не были концерты в традиционном понимании. В больших залах отелей делалась импровизированная сцена, расставлялись столики с закусками и выпивкой, места за которыми продавались, как билеты. Мебель расставляли так, чтобы оставалось место потанцевать. В этот раз пел известный сирийский эстрадный певец. Ожидаемо, на мероприятии должен был быть весь цвет местной элиты. Внезапно Владе очень захотелось пойти туда. То ли забыться, то ли назло... И она решила, наконец, набрать Аmani...

Подруга буквально обрушилась на нее с эскападой полунегодования, полурадости от долгожданного звонка. Как и все остальные в небольшом окружении Влады, она была убеждена, что после скандала с Васелем в кабаре девушка сразу улетела в Москву. Оказывается, у них с Увейдатом был сложный разговор, в ходе которого Васель чуть ли не убил,

как она выразилась, их обоих с мужем. Мужчина не скупился в выражениях из – за того, что Амани, мол, помогла девушке организовать такую несусветную глупость с поездкой в кабаре. Разумеется, дополнительно и отдельно потом Амани досталось и от мужа пребывавшего в полном неведении о деятельности жены за его спиной... Так или иначе, сам Васель, как оказалось, уверил их в том, что Влада в Москве, отношения их семьи с Увейдатом, ожидаемо, были испорчены окончательно и бесповоротно.

Сейчас предложение Влады встретиться и пойти на концерт выглядело более чем невинным. Да к тому же, Амани действительно собиралась на него идти с другими своими подружками. «Будет девичник», – воодушевленно пропищала она. «Как классно, что ты позвонила. У нас уже заказан один из лучших столиков, прямо у сцены. Муж в командировке, да и грех ходить смотреть на такого красавчика, как Халиль Зак с мужьями». Халиль Зак действительно считался в Сирии неофициальным «секс – символом», что позволяло поддерживать его раздутую на фоне весьма посредственных вокальных данных популярность среди прекрасной половины страны. Хотя лично Владе этот ажиотаж вокруг его внешности был совершенно непонятен – типичный метросексуал с зализанными гелем волосами, слишком ухоженными холеными руками с маникюром, слишком аккуратно триммированной бородкой, словно выщипанными, а может и правда выщипанными, бровями... На вопрос Амани, есть ли у нее

красивое нарядное платье в пол девушка по дурости ответила утвердительно. Вернее, хотелось избежать лишних вопросов и детализаций о том, что она живет в отеле, не хотелось, чтобы Аmani в своем привычном стиле решила выступить в роли «феи – крестной» и потащить ее что – то покупать в бутик. Меньше всего сейчас Владе нужно было будоражить своих невидимых охранников, которые, когда она была в стенах самого отеля, стали понемногу расслабляться и терять бдительность, понимая, что катастрофического ничего там в сущности произойти не может... Приметив небольшой магазинчик с вечерними платьями на цокольном этаже гостиницы, она уже было пыталась смириться с мыслью, что придется пойти либо в чем – то своем старом, либо принять на себя весь блеск и ужас арабского вечернего дресс – кода, но к своему превеликому удивлению отыскала среди рейлов вещей совершенно очаровательное красное шёлковое платье в пол, единственным украшением которого была открытая спина. Платье было маленького размера, на субтильную комплекцию, столь редкую здесь, на Востоке. Наверное, поэтому и зависелось среди арабского буйства бурлеска. Оно словно ждало ее, словно было специально сделано под девушку. Влада сама накрутила себе локоны, подколола их наверх и ограничилась легким летним макияжем.

Девушки встретились уже в отеле, бурно обрадовались воссоединению и проследовали в зал. Влада была подчеркнута веселая, внутренне заставляя себя отключить мозг.

Еще меньше хотелось расспросов Амани и ее сочувственных взглядов по поводу помолвки Васеля, конечно, эта новость так и крутилась на устах у вездесущей подружки – сплетницы...

Прошло уже часа полтора. Народ в зале гудел, распивая спиртное и угощаясь блюдами местной кухни. Халиль Зак вышел на сцену после выступления на разогреве какого – то милого этнического бэнда, объективно едва ли не более профессионального, чем новомодный поп – певец, но, что называется, победителей не судят, каждый получал лавры от славы пропорционально своей удаче, судьбе и конъюнктуре... Началось настоящее веселье. Девушки непринужденно подпевали знакомые хиты и приплясывали, элегантно держа в руках хрустальные бокалы с шампанским. Дамасская светская тусовка крепко держалась за царящий либерализм и не готова была уступать тем, кто пытался привнести в их жизнь табу и запреты на религиозных началах. Каждый выбирал свой путь. Все было легко и замечательно. Когда алкоголь, наконец, сделал свое дело, и Влада окончательно было расслабилась, она вдруг поймала на себе полный ужаса взгляд Амани. Та неодобрительно покачала головой, указывая в сторону входа. Девушка перевела взгляд и, конечно же, увидела то, что меньше всего хотела увидеть, но понимала, что это неизбежно случится рано или поздно... Сердце уколола резкая боль. Васель спокойно и грациозно, красивый и ухоженный, в дорогом костюме с голубой рубашкой, так со-

четавшейся с его глазами, шел к своему столу в сопровождении пары друзей и Мирны в эффектном черном платье. Его охранники были немного поодаль, но не сводили с него глаз. Владе показалось, что приближаясь к их столику, а ведь это было на расстоянии в всего полшага от них, он как – то немного замедлился. В тот момент она перестала дышать и боялась лишь одного... Что он одарит ее холодным безразличием, обольет ушатом ледяной воды из своих красивых чистых голубых глаз, что посмотрит так, что она не выдержит и зарыдает... Но этого не случилось... Он даже не повернул в ее сторону головы, проследовав в сопровождении свиты и своей эффектной спутницы к столику.

Музыка заиграла еще громче. Влада избегала взгляда Аmani, понимая, что найдет там только ненавистное сочувствие, смешанное с природным женским сплетенным интересом.

«Как ты?» – не смогла она увернуться от этого проклятого деланного участия... Девушка залпом осушила очередной бокал, немного пожившись от уже набившей оскомину кислинки «Моета», и весело воскликнула, обращаясь к их девичьей компании: «А давайте плясать!», при этом начала совершенно смело, ярко и удивительно зажигательно отплясывать в такт ритмичной танцевальной музыки, присоединившись к тем, кто делал это с самого начала. Как всегда это бывало, когда она танцевала сердцем, она делала это для себя... девушки пооткрывали рты, одобрительно подначивая

ее. Немногие знали, что мастерство Влады способно перебить любительские танцы большинства арабов, убежденных, что восточный ритмы в их крови.

Конечно, ее эффектность и красота не остались незамеченными. Теперь уже даже сам певец смотрел неотрывно на красавицу, одобрительно подначивая ее и в микрофон открыто осыпая ее комплиментами в перерывах между куплетами. Все это все больше походило на смелый флирт Влады с Халилем Заком, который, видимо, был совершенно убежден, что это шоу – специально для него и, казалось, уже сделал выбор, с кем бы был не прочь пообщаться после выступления, предварительно наведя справки, можно ли «флиртовать» с этой хильвой (араб. – красавицей) или же она просто смелая, раскрепощенная девушка из какой – то непростой местной семьи, с которой лучше не связываться. Влада была опьянена атмосферой, голова кружилась, внутри был целый комплекс эмоций – от самых тяжелых до бьющих красками эндорфина. И в этот момент, может случайно, а может и специально, она подняла глаза на соседний столик, который до последнего упорно заставляла себя игнорировать.

Он смотрел на нее, окруженный толпой каких – то важных павлинов. Смотрел так, как много месяцев назад, при их первом неочном знакомстве. Он прожигал ее глазами, отчего внутри у нее все закипало. Но она все же нашла силы отвернуться, нашла силы разорвать этот зрительный контакт, потому что гордость не давала ей расслабиться...

– У него есть невеста, у него есть невеста, ты ему не нужна, – словно кто – то нашептывал ей на ухо. – Он здесь с ней, официально, в открытую. Это она его держит под руку.

Мирна, очевидно, тоже видела Владин концерт и сидела за столиком, поджав губы и скрестив на груди руки. Внезапно стало по – настоящему гадко от всей этой ситуации. Девушка словно опомнилась. Что она здесь делает? Кого хочет обмануть? Зачем это все... Влада извинилась и направилась к выходу, собирая по ходу движения от гостей то за одним, то за другим столиком восторженные комплименты о том, как мастерски она двигается под восточную музыку. Дежурно кивая в ответ, сохраняя натянутую улыбку, она хотела лишь одного – побыстрее отсюда свалить. Быстро, пока были силы, набрала сообщение Амани, что ей стало плохо и чтоб ее не ждали обратно... В глазах действительно зарябило. Влада поспешно забежала в ближайшую уборную. Ей хотелось быстро умыться, перевести дыхание, снять это электрическое напряжение, бегающее по телу от одного его присутствия в зале... К счастью, уборная была пуста. Девушка открыла кран с холодной водой, смочила руки и несмотря на наличие макияжа, провела ими по лбу и волосам. Все лицо просто горело, а при соприкосновении с водой ей показалось, что оно зашипит, как раскаленная сковорода... Она прикрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, стараясь восстановить баланс эмоций... В этот момент девушка, наконец, подняла глаза и чуть не упала – в отраже-

нии зеркала на нее смотрел Васель.

Она как ошпаренная обернулась на него, чуть не запрыгнув на комод с умывальниками от страха и неожиданности, но он молниеносно подскочил к ней, подхватил на руки и прижал к стене, крепко обнимая и прикладываясь с силой к ее лбу своим:

– Шоу удалось, детка, – прошептал он ей на ухо, вдавливая в нее свою каменную эрекцию сквозь одежду. Влада шумно выдохнула, тут же взяла себя в руки и попыталась отстраниться.

– Я скучаю, Влада, скучаю по тебе, – шептал он, не давая ей возможности вырваться из своего захвата.

– Пусти меня, пожалуйста, нас могут увидеть, – пыталась она оттолкнуть его от себя и изворачиваясь, как уж.

– Нет, там моя охрана, мы одни... Так к чему весь этот спектакль? Для меня? Что ж, как видишь, я оценил...

– Не обольщайся, – прошипела она, – Мир крутится не только вокруг тебя.

– А вокруг кого? Вокруг Зака? На него переключилась? – он с силой сжал ее скулы и впился губами в ее губы, со сдавленным стоном стал целовать Владу, воскрешая в ее памяти такие волнительные и прекрасные воспоминания и в то же время, испепеляя ее своими словами. – Пальцы ему переломать? Глаза выколоть, которыми пялился на тебя?

По дыханию ощущалось, что с алкоголем он перебрал. Впрочем, Влада не знала, что перебирает он с ним уже дав-

но, почти столько, сколько она отсутствует в его жизни, в его постели... С того самого проклятого дня ее похищения.

И все же ее тело предательски трепетало. Наконец, почувствовать вкус его губ, хоть и с хмельной горечью. Эти руки, эти прикосновения, такие знакомые, такие волнительные. Он обнимал по – своему, он ласкал так, как никто другой...

Она больше не сопротивлялась, а просто слепо следовала по стопам его плохо скрываемого желания.

Не говоря друг другу больше ни слова, а лишь учащенно дыша, они поспешно вышли из туалета. Он держал ее за руку и быстро увлекал за собой к ближайшему лифту, находившемуся в пяти шагах от них. Волнение Влады было столь сильным, что она даже не опасалась, увидят ли их. Сердце было готово выпрыгнуть из груди. Охрана Васеля, тем не менее, бдела во все глаза, поэтому лифта ждать не пришлось – они быстро заскочили в него и снова впились в объятия друг друга. Влада не видела, какую кнопку он нажал. Она просто об этом не думала, задыхаясь от такого родного и желанного запаха его тела, смешанного с любимым ароматом его духов... Они вышли на одном из этажей отеля, прикрываемые верными охранниками. И ей даже не было стыдно, что все эти правильные сирийцы в окружении Васеля понимали, зачем они сюда приехали.

Он быстро провел магнитной карточкой по замку – дверь прошипела, как змея, и открылась. Затолкнул девушку

внутри и, не дав им возможности раздеться, увлек за собой на кровать. Нетерпеливо расслабив ворот своей рубашки, наспех скинув костюм, Васель резко задрал ее платье. Влада была уже готова сдаться ему, но тут непроизвольно поймала краем глаза его опирающуюся пятерней на матрас руку, с кольцом на безымянном пальце. Реальность накрыла ее, ударив горячим, раскаленным обухом.

С силой начала отталкивать его от себя, – Пусти, пусти!

Он тяжело дышал и почти рычал.

– Не поздновато ли для скромности, Влада? Не глупи! Ты в моей постели! С расставленными ногами.

Не дает отползти, с силой срывает с нее трусы, расстегивает свою ширинку, другой рукой прижимая девушку к кровати за плечо. Больно, резко, оставляя синяки. Его взгляд цепляется за его татуировку на ее внутреннем бедре, сдавленно рычит, трет ее пальцем собственнически.

Влада что есть силы вцепилась в его руки, отдирает от себя, кричит,

– Васель, если ты это сейчас сделаешь, я тебя возненавижу раз и навсегда. Я не переживу второго насилия. Ты слышишь?! Чем ты будешь лучше него?! Что ты делаешь с нами?!

Вроде как услышал ее, отпустил, отшатнулся, встал, провел по взъерошенным волосам, зарычал, с силой сгреб лампу на тумбочке, упавшую на пушистый ковер с глухим звоном.

Влада свернулась в комочек, ощущая полную опустошен-

ность. Он молчал, сел в кресло и закурил, и, как казалось, снова стал таким далеким и отстраненным. Никакой близости не получилось.

И вдруг его голос – надломленный, дребезжащий, пробирающий искренностью:

– Я не могу без тебя жить. Это убивает меня. Скажи, что и у тебя так же, что я не один горю в этом аду.

Он произнес это тихо, сдержанно, но в то же время как – то настолько глубоко и сердечно, что она сразу заплакала.

– Почему ты плачешь? – подошел, наклонившись над ней и глядя по голове.

– Я тоже, – все, что могла она сказать.

Они снова молчали, прижимаясь друг к другу.

– А как же она? – нарушила тишину Влада.

– Она для меня – ничто.

Влада повернулась к нему лицом и всмотрелась в чарующую голубизну его глаз. Ее сердце сжалось от той боли и страданий, которые она увидела на его красивом, немного осунувшемся и даже, казалось, постаревшем лице. Он изменился. И она понимала, что за этими изменениями стоит не праздное проматывание жизни золотым внуком.

– Ничто и всё... Потому что будет твоей женой... Будет рожать тебе детей... Будет носить твою фамилию... Это знание разрушает меня, Васель... Как и моя любовь к тебе, она меня изничтожает изнутри... Я люблю тебя. И мне не стыд-

но это тебе сказать. Ты сказал в больнице, что я ее убила. Не знаю, может я и убила твою любовь ко мне, но моя к тебе пока жива – и она бьется в агонии. Она при смерти. И я знаю, что она не сможет выжить от боли ежедневного предательства, которую мне сулит знание о том, что ты женишься на ком – то, что будешь делить с ней постель, смеяться за завтраками, оживленно что – то обсуждать за ужинами...

Она так ждала его опровержений, а он молчал, лишь крепко прижав ее к себе. И это молчание доводило ее до отчаяния гораздо больше его агрессии или презрения.

Только через несколько минут этого молчаливого взаимопонимания он нарушил тишину и тихо, сдавленно, почти шепотом произнес:

– Наша любовь переживет все, Влада. Даже если кажется, что все закончилось, конца никогда не наступит... Разве ты забыла? *Ты моя... Навсегда. Даже годы, даже километры, даже чертова ненависть не смогут это изменить. Ты моя... Запомни это навсегда, а если попытаешься уйти и забыть, я все равно найду тебя и напомню. Болезненно и сладкооо...*

Она поежилась и закусила верхнюю губу, чтобы не разреветься. Смотрит на стену, где часы предательски отбивают секунды, минуты, отмеренные им. Да даже если будут отбивать часы и дни... Все равно этого будет недостаточно, его «годы» будут принадлежать не ей, другой...

– Разве любовь – это обладание, Васель... Разве в этом ее смысл?

– К черту смысл, Влада. Зачем искать смысл там, где надо искать лишь эмоции, чувства...

– Там, внизу, твоя невеста... Одна... Ждет тебя, наверное... Концерт давно закончился.

– К черту их всех. Я не отпускаю тебя. Ты моя. Только моя – проговорил он, поймав ее блуждающую по его телу кисть и поднеся ее к губам.

Он так и заснул, крепко прижимая ее к себе. Расслабленный и спокойный, хоть и не удовлетворенный, как и она сама. А она не спала, а пыталась запомнить его такого, ушедшего в негу сновидений. И чем больше он притягивал ее к себе, чем больше зажимал в объятиях, тем сильнее она ощущала его далеким, не ее... Знаете, это как смотреть на дорогое вожделенное украшение в магазине. Вот оно – за витриной, всего в нескольких сантиметрах от тебя, ты видишь его блеск, наслаждаешься его совершенной красотой, ты даже можешь зайти в магазин и померить его, сфотографироваться в нем, подержать в руках и согреть теплотой своего тела. Но только оно все равно не твое. Все равно рано или поздно найдется тот, кто с легкостью и непринужденностью зайдет и купит его, не долго думая. Может, будет носить, а может спрячет в холодную шкатулку к другим драгоценностям, но только тебя это уже совершенно не будет касаться. Оно не твое, это драгоценное украшение...

Влада постаралась как можно аккуратнее отстраниться от Васеля, выбраться из его объятий. Провела по его красиво-

му расслабленному лицу, голой груди, непослушным волосам. Он сквозь сон поцеловал ее руку, поменял позу, но не открыл глаза. Рассвет только – только занимался. Она должна была идти, дело не требовало отлагательств. Надо было воспользоваться его спокойствием, его безмятежным сном. Пусть он ничего не узнает раньше времени, пусть даст ей фору, пусть даст шанс поставить точку. Это то, что требовал ее долг, ее сердце, ее натура. Это то, единственное, чем она теперь могла быть полезна... Пусть спит как можно дольше, такой прекрасный, такой любимый не ее Васель...

Она как можно тише вышла из номера, лохматая, в смявшемся платье. Поднялась в свой номер, встретив в фойе этажа уже знакомого приставленного к ней консульского агента Ивана Ильича с красными заспанными глазами, читающего вчерашнюю газету. Очевидно, караулит он ее здесь уже не первый час.

– Вы сегодня уже успели натворить глупостей? – спросил он устало, но как – то по – свойски, понимающе...

Она развела руками.

– Как видите. Дайте мне двадцать минут – и выезжаем...

ГЛАВА 7

Двумя днями ранее

– Вы должны встретиться с Дибом и спросить его о том, что мы Вам скажем спросить. Поймите, это крайне важно,

– деловито и серьезно внашл ей Иван Ильич.

Влада сглотнула. Она не была готова к встрече с Каримом. Стресс от пережитого, боль от ситуации вокруг Васеля, только не сейчас... Это было слишком...

– Что вы хотите, чтобы я сказала? – спросила, наконец, Влада. Сама того не ощущая, она молчала не менее пяти минут. Иван Ильич не нарушал молчания, понимая, что ей нужно собраться с силами. Что уж говорить, ситуация была более, чем специфическая.

Теперь с его стороны повисло длительное напряженное молчание...

– Дибу грозит смертная казнь через повешение. Вернее, она ему не грозит. Она его ждет. Ему вменяют обвинение в государственной измене. На этой неделе или на следующей – все зависит от его выносливости... Сколько он еще выдержит допросов. Если он окажется покрепче, его будут «допрашивать» и дальше, а потом все равно повесят. Если он уже на грани смерти – то ждать не будут, пока он помрет своей смертью, и повесят уже на днях, так сказать, в назидание.

Влада слушала все это без единой эмоции на лице. Словно ее слух, поглощающий информацию, не преобразовывался в мозг в информацию... Она не верила, что с Каримом может быть такое... Непобедимый Карим Диб, казалось, ничто не может его сломить. Она помнила его таким. Этот смелый решительный взгляд...

– И при чем тут я? – спросила, наконец, она. Откуда в ее душе такая пустота? Откуда такая пропасть? Словно ей казалось, что все это – блеф, какая – то игра...

– Местная разведка не понимает, что этот человек может быть им очень полезен. Он отказывается сотрудничать, на него особо не действуют психотропные вещества, способные развязать язык. Наши арабские коллеги считают, что он больше не нужен. У нас мнение другое. И к счастью, аналогичное мнение и у Президента и некоторых из его окружения...

– У кого, у нас, Иван Ильич? – вытащила Влада незнамо откуда толику сарказма.

– Влада, самое время вмешаться и протянуть руку нашим сирийским друзьям. Поймите, Карим Диб – не отморозок и не враг народа, Вы сами прекрасно это знаете лучше меня. На фоне сумасшедших фанатиков, которые активно стремятся перехватить инициативу в этой революции, он просто ангел. А главное – у него в целом то же видение ситуации, что и у Президента. Просто... Ресурсы разные. Он популярен среди народа, и в то же время, как бы он сам ни дистанцировался от этого, он часть местной элиты, член влиятельнейшего, богатейшего клана. Самое время заставить его сесть за стол переговоров, инициировать национальное примирение, формирование коалиционного правительства. Поймите, тем самым мы не только спасем его жизнь, он добьется того, что хотел, построит политическую карьеру... – ответил он раз-

драженно. Мы положим конец этому сумасшествию, спасем страну и адекватных людей у власти, пока революция не вышла из – под контроля и не превратилась в мракобесие фанатиков... Все это уже было со сраной, все это они уже проходили, и тогда помогла тоже именно Россия...

– Сомневаюсь, что это именно то, что нужно Дибу, – скептически перебила собеседница консула. – Да и вообще, при чем здесь я? Что я могу сделать?

– Пообщайтесь с ним, переубедите его, уговорите пойти на сотрудничество.

– У меня нет над ним власти. Я не смогу вот так взять и убедить его. Вы переоцениваете меня.

– Забавно, а мне рассказывали другое. Говорят, он любит Вас... Влада, здесь нет маленьких. Все мы знаем, конечно, не всё, – он бросил на нее успокаивающий взгляд, от которого, однако, по ее телу пробежала волна стыда, – как он к Вам относится. Используйте это. Если нужно, блефуйте, лгите, обольщайте. Что ни сделаешь для спасения человека... А речь ведь именно об этом... Дайте ему надежду...

– А если я не хочу давать ему надежду. Если я вообще не хочу его видеть! Откуда вам знать, что я пережила?! – вспылила Влада, понимая, какими могут быть последствия действий, к которым он ее призывал.

– Что ж, дело Ваше, – сдался Иван Ильич, – мне больше нечего сказать. Вот только, Влада, не кажется ли Вам, что история зашла чрезмерно далеко. Что слишком много в нее

вовлечено сил и персонажей... Что вряд ли получится после всего этого жить спокойно и припеваючи в Дамаске, писать третьесортные статьи и «водить дружбу» с некоторыми известными персоналиями...

Одним предложением он уничтожил ее. И в то же время емко описал все то, что она и так понимала. Больно, хлестко, и в то же время не придраться. Как по – дипломатически... Он был прав. Она непроизвольно стала хоть и пешкой, но все же фигурой в большой игре, в столь серьезной партии, и скажи ей об этом пару лет назад – она бы была вне себя от радости. Она с детства мечтала быть важной и нужной. В итоге так и вышло. Только вот не из – за ее мозгов, а из – за ее задницы... Только же поэтому про нее вспомнили... Наверное, нужно, чтобы она с ним снова переспала... Как они это, интересно, организуют? Ей стало горько и смешно одновременно от циничности происходящего...

– И что, заставите меня с ним спать? Будете приманивать его мной? – ярость подступила к горлу.

Иван Ильич молчал. Ответ она знала сама.

– Влада, никто ничего не будет тебя заставлять делать... – перешел он полушёпотом на «ты», явно теряя терпение – Просто ты его единственный шанс. В конечном счете, для нас он еще одна зацепка, найдем новую, не проблема. Но человек все равно умрет, если не станет интересен кому – то еще. Его убьют точно. При том, уже не важно, правительство или радикальные оппозиционеры. Король умер.

Да здоровствует король...

Она молчала. Он был, черт возьми, прав во всем. Сердце защемило. Это из – за нее Карим за решёткой... Это она его слабое место...

– Когда надо ехать туда? – она поняла, что выносить больше этот разговор сил нет.

– Послезавтра рано утром, а то можем не успеть – тут же ответил ее собеседник откровенно, – постараемся выкроить время при пересменке. Не стоит светить ваш контакт. Пусть знает строго ограниченный круг лиц...

Влада молча встала и направилась к двери, – Я поеду, но я ничего вам не обещаю. Я не волшебница и не мисс Вселенная.

Спустя два дня

Через два дня Влада, сидя на заднем сиденье автомобиля с водителем, заезжала на территорию спецтюрьмы. Внутри ее все трясло, хотя внешне она выглядела прекрасно, и это после столь тяжелой, бессонной ночи и объяснений с Васелем. Зайдя в свой номер, она быстро приняла душ и одела заранее заготовленную одежду. Телесного цвета обтягивающее платье чуть ниже колен, распущенные немного завитые волосы, черные туфли Лабутан, как раз такие, в которых она была в первый день их «знакомства», красные ногти. Он никогда не видел ее с красными ногтями. Никогда не видел с красными губами и сильно подведенными глазами. Ухожен-

ной, модной, свободной, вызывающей... И настолько разбитой внутри... Сердце стучало....

– Что я скажу? Как буду смотреть ему в глаза? Как избежать его пронзающего взгляда? – она боялась, боялась себя, боялась его.

Тянуть больше было нельзя. Влада вышла из машины в сопровождении Ивана Ильича. На крыльце ее уже ждали – какой – то сириец в военной форме, оглядевший ее оценивающе с ног до головы, так, что стало унижительно и не по себе...

Влада сухо с ним поздоровалась, после чего все они зашли внутрь.

– Я не хочу, чтобы за нами наблюдали во время разговора, – тихо проговорила девушка консулу, пока они петляли по извилистым коридорами с плохим освещением, ведомые тем самым арабом.

– Невозможно, даже если мы и согласимся, они – нет. Сирийцы и так идут на уступки, на которые раньше при других раскладах ни за что бы не пошли.

Влада выдохнула с досадой. Знать, что за ними смотрят десятки глаз...

– Я прошу, поймите это для блага...

– Влада, нет, я же сказал, – раздраженно отрезал Иван Ильич.

– Тогда хотя бы без камер. Пусть просто слушают...

Он призадумался и через минуту уступчивым тоном сказал, – я постараюсь, переговорю.

Ивану Ильичу действительно удалось убедить сотрудников не включать камеры и задвинуть жалюзи в комнате наблюдений за допросом.

Влада стояла у железной двери и думала, что все слышат, как сильно бьется ее сердце... Как страшно, стыдно и неприлично...

– Готова? – спросил сопровождающий, – он уже там.

Девушка с трудом сглотнула, горло пересохло, молча кивнула головой.

– Жми на красную кнопку у двери, если что, – лишь напомнил он ей инструктаж напоследок и впустил девушку внутрь.

Влада робко зашла в средних размеров комнату с неоновым освещением, от которого можно бы было сойти с ума. Посередине нее стоял стол, с двух сторон которого были придвинуты стулья. Вернее, на противоположном конце стул был уже занят.... Там сидел Он.

Обреченно и печально, но все же с каким – то неистовым порывом он поднял на нее голову, и Влада вскрикнула. Красивое мужественное лицо Карима превратилось в сплошное синее месиво. Запекшаяся кровь, сине – желтые разводы, припухлости. Только болезненно скривившая его губы приветственная улыбка и его жгучий блеск глаз, все же проглядывавший сквозь вспухшие щели глаз – вот все, что напо-

минало о нем...Изорванная одежда, лохматые волосы, щетина...Никто не заботился о его гигиене, было понятно.

Влада попыталась улыбнуться в ответ, в нерешительности перебирая ногами, но ее губы задрожали от подступающих слез.

– Что они сделали с тобой? – только лишь смогла прошептать она.

Она резко развернулась и стала с силой нажимать на красную кнопку – Выпустите меня! – кричала девушка.

Карим опустил голову. Его сердце болезненно сжалось. Она хочет сбежать... Конечно, что еще, кроме испуга и отращения, он у нее вызывал... И тогда, и теперь тем более...

Охранники открыли дверь, Влада выскочила вон под недовольные и разочарованные взгляды Ивана Ильича и его спутника.

– Срочно дайте мне льда и марлю или вату! – почти кричала она.

– Нет, – резко ответил сириец в военной форме.

Влада перевела не требующий возражений взгляд на консула, – Вы же хотите успеха – слушайте меня! Лед, марлю и зеленку! Прошу! – она почти умоляла, но так, что любой приказ показался бы мягче.

Через несколько минут дверь опять закрипела. Карим даже не стал поднимать голову. Он знал, что за ним пришли охранники...Но почему то за ржавым скрипом двери снова

послышался стук каблуков... Неужели?

Он с надеждой устремил свой заплывший взор на дверь. Перед ним стояла Влада. Нет, не та Влада, которую он обнимал... Хрупкая, испуганная, юная... Эта – статная, ухоженная, шикарная... Такая, какой он себе представлял ее в той жизни, откуда он ее вырвал. Она была так прекрасна, что он просто боялся на нее смотреть... Усмехнулся, вспомнил книгу Виктора Гюго про Собор Парижской Богоматери.... Он Квазимодо... Она Белль..

Она поставила на стол поднос с лекарствами. Быстро взяла свободный стул, придвинула к Кариму вплотную и присела. Ее руки действовали быстро и решительно – девушка развернула марлю, положила на нее лед, накрыла вторым тонким слоем и приложила к вспухшему лицу Карима.

– Кто меня теперь назовет секс – символом революции? – усмехнулся он.

Она чуть улыбнулась, но ничего не ответила, продолжая прикладывать к лицу холодный компресс. Он лил на нее блеск своих восторженных глаз, от которых шло тепло...

– Лучше? – тихо спросила она, когда намазала последнюю рану зеленкой. Карим резко втягивал воздух от боли – все щипало, а она дула на его лицо... Так же, как это делала бы любящая мать или жена. Так же, как когда – то делала она, в Хомре, обрабатывая рану, которую нанесла сама же...

Карим взял ее за руку, и Влада наконец остановилась, опустив глаза.

– Я живу лишь памятью о тебе, – сказал он ей как – то тихо, обреченно и блаженно одновременно, – в тебе моя жизнь, хоть ты сама и не моя.

– Не говори так, Карим, ты сильный и смелый, ты герой, и я тут ни при чем, – черт, наступил тот самый момент, которого она боялась. Он смотрел на нее так, что кровь вскипала.. Даже сейчас, в побоях, на шаг от смерти, он так доминировал над ней, хотя между ними была пропасть...

– Карим – начала было Влада.

Но он не дал ей развить мысль, все еще поглощая ее своими глазами, запоминая, нежно коснулся ее губ свободной рукой.

– Тсс, не говори ничего. Дай мне на тебя посмотреть. Ты еще красивее, чем я себе представлял. Богиня...

– Карим, у нас не так много времени, – упорно продолжала Влада, плохо скрывая свое смущение и... страх.

Он отпустил ее и усмехнулся, возвратившись в реальность от ее делового тона.

– Зачем ты пришла, балерина? Позлорадствовать?

– Карим, – она коснулась его губ рукой так же, как он сделал это минуту назад. – Ты спас мне жизнь, и я хочу сделать то же. Прощу тебя, пойди на сделку... Пойми, все еще не потеряно.

Он громко засмеялся, обрывисто, грубо, надломлено, словно голосом старого курильщика, тут же, однако скривившись от боли – ребра болели.

– Уходи, асфура, все кончено. Я ничто.

– Нет, – закричала она и схватила его за лицо. – Посмотри мне в глаза, Карим, прошу тебя, сделай это для меня! – она почти молила его со слезами на глазах.

Он явно не ожидал такой реакции, выдохнув, спросил,

– Почему я должен это делать для тебя?

– Потому что ты единственный в моей жизни говорил, что любишь меня так, что я верила даже сквозь ненависть... Живи, я хочу, чтобы ты жил, я не смогу жить с мыслью, что тебя больше нет!... – по ее щекам стекали капельки слез.

И он не выдержал и прижался к ней губами, хватая их и наслаждаясь их тонким соленым вкусом, словно смешанным с ароматом ее духов.

– Ты с ним? – прошептал он, все еще не отрываясь от ее губ... – ты его? – его голос срывался на болезненный хрип.

– Нет, Карим. Я ничья... Я свободная, независимая женщина... Запомни это... – словно для самой себя чеканила, как мантру...

– Какое блаженство вот так быть с тобой рядом – после этого можно и умереть, – он улыбался своей белоснежной улыбкой, шептал невероятные нежности, от чего Владе хотелось плакать еще больше. Его свободная рука с жадностью притянула ее к себе. Он гладил ее, словно слепой книгу с рельефными символами. Он запоминал ее. Заучивал наизусть.

Но что чувствовала она... Жалость, жалость и благодарность... Странную благодарность за то, что после всего пере-

житого, благодаря ему, она осталась собой. Пусть и измененной, но собой... Любовь? Любви не было. Нет, она ушла, как наваждение, как солнце после затмения снова становится ярким... Да и была ли это любовь вообще... Его руки были такими знакомыми, такими узнаваемыми. Сколько раз он вот так привлекал ее к себе. По телу непроизвольно пробежала дрожь. Только сострадание и благодарность? Наверное, она лукавила сама себе, но ничего поделать с этим не могла...

– Ты любишь Сирию, ради нее ты должен остаться тут, среди живых. Прошу тебя. – Она снова заглянула в его глаза и увидела в них то, что так мечтала видеть в глазах Васеля... «Боль безграничной нежности», о которой писал Джибран... Ей показалось, что ее словно обволакивает облако, так мягко и нежно она растворялась в его глазах, и в то же время так щемило в груди, потому что эта нежность причиняла ему такие страдания.

– Если бы Аллах дал мне знать, что после смерти меня ждет еще одна жизнь – и она будет с тобой, я бы не задумываясь убил бы себя сам, прямо сейчас, но он молчит...

Влада печально улыбнулась, – Если бы моему сердцу можно было приказать, я бы любила только тебя. Больше жизни...

Карим печально усмехнулся.

– Последнее, – произнес он тихо, – поцелуй меня в губы. Сама... Так, чтобы я не забыл.

Влада утвердительно прикрыла глаза ресницами и припа-

ла к его губам. Они целовались не спеша и не страстно, а словно на замедленном режиме пленки... Так, чтобы запомнить все – вкус губ и слюны, запах кожи, то ритмичный, то сбивающийся темп дыхания...

Объятия первым разорвал Карим. Вытирая остатки ее помады со своих губ, он громко закричал, – Стража, – он знал, что их слушают, но ему было плевать... Ее присутствие было важнее..

В комнату непонимающе тут же вошли. – Ладно, давайте ваши условия...

Влада стояла у стены и смотрела в пустоту. Было грустно, так, как бывает, когда провожаешь близкого человека в путь. И в то же время успокоение накрыло с головой. Он может быть спасен, он готов пойти предложенным ею путем...

– Вам следует уйти немедленно, – зашел в комнату с бумагами все тот же сухой сириец, обратившись к Владе. Она понимающе кивнула и устремилась к выходу, в дверях повернувшись к бывшему любовнику.

– Прощай, – тихо сказала она, – Алла маак (араб. – Аллах с тобой).

– Запомни, асфура, если мне будет дана еще одна жизнь, я проведу ее с тобой. – он повелительно указал на нее пальцем, и почему – то девушке показалось, что его утверждение не риторическое...

Влада развернулась и вышла прочь, а в его голове еще несколько минут звучал стук ее каблуков о холодный камен-

ный пол.

– Если бы можно было себе приказать... – с горечью на сердце произнесла Влада, одними губами, выходя из комнаты для допросов, а потом подняла глаза и поняла, что воздуха в легких больше не хватает...

ГЛАВА 8

У соседнего кабинета, опершись о дверной косяк, с непроницаемым лицом стоял Васель собственной персоной. И смотрел на нее так, что земля ушла из под ног. Злость, разочарование, презрение – вы не знаете значение этих слов, если не видели его взгляда в тот момент.

– Следуй за мной, – сказал он тихо, развернувшись и направившись к выходу.

Влада машинально стала озираться по сторонам в поисках своих сопровождающих. Ни Ивана Ильича, ни араба видно не было, а скорее всего, они были слишком увлечены окучиванием ныне сговорчивого Карима. Девушка же сыграла свою роль и была больше не нужна... Делать было нечего. Она нервно сглотнула и пошла за Васелем, флюиды гнева которого долетали до нее даже на расстоянии. Неуверенный стук ее каблучков раздавался по всему коридору.

Как он оказался здесь? Что слышал? Конечно, многое, иначе бы сейчас так не смотрел на нее...

Они вышли на улицу под беспристрастно – презрительные в отношении Влады и раболепные в отношении Васеля

взгляды охраны. На секунду она подумала, что они так сильно пресмыкаются перед ним, что если бы он решил прямо здесь пырнуть ее ножом, то они бы все коллективно сделали вид, что ничего не произошло. Вспомнила его слова, сказанные ей давным – давно, еще в начале знакомства, что ментальность восточных людей отлична от европейских людей, как и навязываемые им чуждые ценности. А он и пырнул, только взглядом...

– В машину, – все таким же не требующим возражения голосом сказал он, когда водитель подогнал знакомую Владе Карреру Васеля.

– Что это значит? – начала она по – арабски.

– Заткнись, – резко перебил ее голос по – русски.

– Васель, ты все не так понял...

– Я сказал, заткнись! – закричал он так, что окна в автомобиле задребезжали... И этот убивающий взгляд... Нет, нет ни тепла, не любви, ни даже похоти. Презрение и гнев.

Влада вжалась в сидение от захлестнувших ее эмоций и скорости, свистящей покрывками о неровный дамасский асфальт...

Он все слышал...Он все знает...Он слышал их разговор с Каримом...

Голова вмиг налилась горячим свинцом...Что же такое происходит теперь? Что же теперь ей делать?

Они остановились на светофоре, и кисть девушки маши-

нально потянулась к дверной ручке. Он, видимо, увидел это боковым зрением. Его рука за толику секунды схватила ее, так сильно и неистово, что из глаз Влады брызнули слезы.

– В следующий раз я прострелю ее тебе... Только посмей дернуться.

Влада молча отвернулась и почти до крови прикусила губу. Нужно было сделать себе больно, чтобы не ответить ему... Что он творил... Что делал с ними... Они приехали в его дом в Яафуре.

Не дав ей даже опомниться, быстро вышел из автомобиля, обошел его, открыл ее дверь и с силой выволок ее из машины, затащил в дом. Могла ли она подумать, когда давно, в той жизни, он рассказывал ей о ремонте дома и приглашал к себе в гости, что впервые в итоге окажется здесь при вот таких обстоятельствах, словно щенок, за шкурку кинутая на пороге особняка....

Только зайдя в дом и захлопнув тяжелую входную дверь за собой, он выпустил ее руку из своего захвата, и к удивлению Влады подошел к камину, начал его разжигать. И это жарким сирийским летом?

– Что стоишь? – сказал он ей, все так же занятый поддержанием разгорающегося пламени. Даже не обернулся на нее, – снимай с себя тряпки. Все, что есть.

Влада молча повиновалась. Отключила мозг, чтобы не впасть в парализующее отчаяние. Она ровным счетом ничего не понимала из того, что происходило, но точно знала од-

но – он не простит. Теперь точно не простит. О, как же был прав Карим тогда...

Наконец, он поднял на нее тяжелый взгляд, на секунду задержался им на ее теле.

– Ты глуха? Я сказал, все!

Влада поежилась от стеснения, стягивая с себя трусы и лифчик. Все это теперь валялось у ее ног мягким грузом, а она пыталась прикрыть себя как, только могла.

Васель криво усмехнулся.

– Откуда вдруг такая скромность у такой шлюшки, как ты?

Боже, он был на грани безумия, или реально безумен... Девушка попятилась назад.

– Еще шаг – и ты пожалеешь. Стой, где стоишь, – он походил на разъяренного вампира, готового разорвать ее. Девушка остановилась. Васель подошел вплотную. Медленно наклонился и поднял с пола ее вещи, не сводя все это время с нее хищного взгляда...

Вернулся к камину и бросил все в огонь.

Одежда быстро вспыхнула, неприятно запахнув, вместо дыма пошла черная копоть, словно покрывающая своей грязью ее сердце...

– Видишь, как горят твои тряпки? – спросил он жестко, – с ними сгорает твоя жизнь до этого момента, Влада. В том числе и остатки моей любви, которую ты не успела растоптать своей глупостью и блядством.

Девушка в шоке смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова.

– Сгорает моя зависимость от тебя... Теперь, детка, ты стала тем, кем действительно заслуживаешь быть. Шлюхой. Была его шлюхой. Теперь стала моей.

– Что ты несешь? – с ужасом спросила она.

– Я все слышал и видел. Как ты льнула к нему, в любви признавалась и чуть не раздвинула перед ним ноги на радость всей тюрьме...

Значит, камеры не выключили... Или он приказал их включить, кто посмеет ему перечить... Ей было больно... Она чувствовала, как силы покидают ее. Он топтал ее. Топтал и радовался. Мстил. Он не простит. А простит ли она? А нужно ли ему ее прощение... Горький ком во рту... Губы дрожат. Тело тоже бьет дрожь. Так сильно, что зубы стучат...

Он снова направился к ней. Подошел вплотную. Так, что она чувствовала его запах... Тот, который был так сладок и приятен. Теперь он внушал страх...

Снова жесткий смех.

– Не обольщайся, думаешь, я накинусь на тебя прямо сейчас и изнасилую? Думаешь, ты имеешь надо мной такую власть? Хотя нет, не ты, твое тело. Он снова оценивающе обвел ее глазами...

« – Если бы Аллах дал мне знать, что после смерти меня ждет еще одна жизнь – и она будет с тобой, я бы не

задумываясь убил бы себя сам, прямо сейчас, но он молчит...» – спародировал Васель Карима. – глупец и феллах (араб. – деревенщина)... Какой же у тебя дурной вкус, Влада.

– Васель, я...

– Никогда больше не смей называть меня по имени, поняла, сучка?! – он схватил ее за горло. Так, что она начала задыхаться.

– Для тебя я теперь хозяин. Господин. Запомни.

Резко отпустил ее так, что девушка чуть не упала. Схватила за горло кашляет. А потом он сделал то, что добило ее окончательно. Он взял спиртовой гель со стола, тщательно протер им свои руки и вытер салфеткой. Брезгливо, небрежно. Он сделал это так, потому что дотронулся до нее. Он сделал это потому, что... Она была ему противна.

Он прочитал в ее глазах шок понимания его действий и снова злобно усмехнулся.

– Да, все так, как ты поняла. Не могу без брезгливости смотреть на тебя, зная что он тебя лапал. Надо тебя хорошенько вымыть, а то ты воняешь им...

Он резал по – живому. Влада с силой зажмурилась. Она не хотела воспринимать действительность, не хотела этого всего... Нет, этого не может быть. Лучше бы он бросил ее и пропал из ее жизни, а это...

– Ты не имеешь право на все это, – откуда – то появились силы, – я не простая девка с улицы, меня будут искать..

Снова смех, а потом взгляд, по которому было понят-

но, — она пожалеет о своей дерзости...

— Суад — крикнул он. Мигом показалась молодая, но довольно рослая девушка.

— Наша гостья нуждается в настоящем арабском хаммам... Таком, который очищает и тело, и душу, — он многозначительно посмотрел на Владу и кивком головы приказал им уходить.

Владе даже не дали одежду, чтобы прикрыться. Она так и продолжала идти голышом на своих высоченных каблуках. Как будто над ней издевается рок... Та же модель туфель. Та же ситуация. Снова она униженная и в дорогих туфлях от Лабутан. Если она переживет все это, никогда, никогда больше не купит ничего этой фирмы...

В доме Васеля действительно был настоящий хаммам. Такой, как в сказках. Даже красивее, чем в том проклятом «доме развлечений». Если бы не ужас происходящего, она могла бы восхититься красотой помещений.

Суад заставила ее встать на специальный постамент, вытащила хорошо знакомую Владе киису (араб. — губка для скрабирования) и начала безжалостно скоблить ее кожу. Усилия Умм Бушер показались на фоне этого ласками. Ей было больно. Очень больно. Но эта боль вместе с тем облегчала сердце... Влада со всей силы пыталась сосредоточиться на этих чувствах, лишь бы забыть ужас того позора, который ушатом холодной воды окатил ее пять минут назад.

Девушка закончила свои жуткие обтирания, после чего обдала Владу с ног до головы прохладной водой. Так неожиданно, что девушка захлебнулась... Убрав распластавшиеся мокрые волосы с лица и продышавшись, она к своему стыду увидела его. Этот жесткий горячий взгляд. Нет той морской глубины, так ее восхищавшей... Только иссиня – черная пустота. Он оценивающе разглядывал ее. Жадно. Пожирающе. От соприкосновения с холодной водой и еще более прохладным воздухом соски заострились. Она попыталась прикрыться, но это вызвало лишь его усмешку. В том положении, в котором она перед ним стояла, словно рабыня на торгах, сложно было что – то скрыть от его глаз...

– Хочу, чтобы у нее между ног было гладко, – все с той же насмешкой сказал он Суад. Нет, он сказал это грязнее, на арабском. Она бы не поняла, если бы не богатый лексикон Карима, который она так хорошо выучила в Хомре.

Для него не осталось незамеченным, что она поняла его жаргон.

– Одно приятно, Влада. Я теперь могу свободно говорить с тобой только на арабском, он тебя блестяще натаскал, – снова этот двоякий смысл, – хотя... вряд ли я буду с тобой много разговаривать, ты здесь теперь для другого...

– Как закончишь, приведи ее в чайную, – бросил он Суад и удалился в соседний зал.

Пока молчаливая и безучастная Суад эпилировала на ней

все, что только было можно разглядеть под микроскопом, в душе Влады помимо страха стала зарождаться ни с чем не сравнимая ярость. Ярость на него и на свою пассивность... Он делал ей больно? Она сделает ему тоже...

Когда они шли к чайной, в ней больше не было плохо скрываемого ужаса... Она была женщиной, знающей свою цену. Пусть она без одежды, унижена, порабощена... Но самое главное богатство при ней... Если бы ему было на нее наплевать, он бы не смотрел на нее такими глазами. Не заставлял раздевать... Он хотел ее. И был в ярости на себя из – за того, что не мог преодолеть это чувство...

Когда их взгляды пересеклись, он словно почувствовал эту перемену. Приподнял бровь, усмехнулся, но промолчал.

Суад поставила ее перед ним на расстоянии метров двух, взяла с полки масло и начала умело смазывать покрасневшую от экзекуций кожу.

– Ну, что, Влада, а теперь давай начистоту. Расскажи мне теперь, как он трахал тебя, – если бы глаза могли прожечь, она бы была пеплом. Она буквально чувствовала, как он ощупывает ее взглядом. Сально. Собственническ.

– Киска у тебя все же отменная, – унизительно проговорил он, нагло впиваясь в нее без стеснения своим взглядом, – он тебе это говорил?

Надо находить силы противостоять ему. Бить той же монетой. Он не сможет ее сломить. Потому что, если сможет, то склеить будет уже ничего нельзя... Сейчас, смотря на этого

красивого мужчину, все еще ее мужчину, как она надеялась, она понимала, что готова простить его и быть с ним, потому что верила, что он делает больно из – за слепой, черной ревности... Мужчины любят обвинять женщин в коварстве, но нет ничего коварнее и больнее, чем месть уязвленного влюбленного мужчины. Пусть дело будет в этом, пусть все это закончится, как только его боль утихнет и она сможет с ним объясниться...

– Что именно тебя интересует, Господин? – она так произнесла последнее слово, что он чуть не задохнулся. Он возбуждался от вида ее покорности, и в то же время бесился, понимая, что это ее манипуляция, ее вызов ему, провокация. Она знала теперь, как можно посмотреть на мужчину затуманено – отстраненным взглядом так, чтобы его нутро перевернулось. Она несколько месяцев пыталась играть таким же, как он... Самцом.

– Всё, мне нужно всё, детка, расскажи мне вашу историю любви, о которой вы так упоительно сокрушались там, в камере, словно герои эпоса Низами «Лейли и Меджнун»...

– Ну что ж... – Она поправила волосы, которые почти высохли и уже красиво отсвечивали янтарным золотом, не отрывая от него взгляда. Суад терла тело девушки все с тем же усердием, но казалось, для них ее совершенно не существовало.

– Думаю, ты знаешь, как и почему я попала к ним... Меня привели к нему. Как трофей. Или как живой труп. Вы-

бор был за ним, что сделать со мной. И он выбрал первое. В ту же ночь он изнасиловал меня, думаю, тогда еще не как желанную им женщину, а как желанную тобой... Он затаил на тебя зуб, господин, – она намеренно использовала это выражение, играя словами («зуб» на арабском означает «половой член»)... Тогда я еще не знала, откуда у него была такая боль и обида на тебя, – искорки боли то и дело проскакивали в ее взгляде, словно тень ревности к той, другой, еще одной... Он сжал руки... По правильному направлению она идет? Плевать, она все ему скажет, даже если он убьет ее после этого... – Но я ему почему – то понравилась. Он называл меня голубкой и балериной, видимо, его привлекала моя хрупкость, – Васель почему – то поморщился на этих словах, словно ему стало больно, – Он пришел на следующий день. Да, кстати, в тот день меня подготовили для него примерно так же, как сейчас для тебя... Хаммам, кииса, воск, масло... У вас схожий вкус...

– У нас действительно схожий вкус, как несложно догадаться, – перебил ее Васель, но тут же взял себя в руки. Снова стал непроницаем.

– В ту ночь он, думаю, уже колебался, как со мной поступить, потому что я его волновала. И все же ненависть к тебе и желание отомстить через меня не покидало. Потом я узнала, за что. Но обо всем по порядку.

Амаль... Он снова изменился в лице, снова упустил контроль над эмоциями, но не проронил ни слова.

– Началась его игра по завлечению меня в свои сети. Он играл, я играла. Выживала, как могла. Подчас это доходило до сумасшествия, а потом я пырнула его ножом. Это была отчаянная попытка что – то изменить, переломить, дождаться того, когда ты, наконец, придешь за мной. У меня хватило сил вонзить в него кинжал, но я была слишком слаба, чтобы довести дело до конца. И как сейчас понимаю, тогда еще слишком глупа.

– Глупа для чего? Чтобы понять, что эта затея приведет тебя только к гибели? Поистине глупо с твоей стороны, – он смел еще и потешаться над ее историей.

– Нет, господин, я была тогда еще глупа потому, что верила, что ты спасешь меня... Я надеялась... А еще я не понимала, какую власть могу иметь над ним. Я избегала его, а он от этой недоступности все сильнее в меня влюблялся. Он больше не думал о тебе, наоборот, факт того, что я была твоей, его разбивал на осколки, он хотел меня. Только меня. И пытался показать мне его мир. Объяснить, открыть... Тогда я побывала в больнице, полевом госпитале. Я узнала разных боевиков и их сложные судьбы. Он дал мне посмотреть на эту историю с другой стороны...

– И ты так прониклась, что расставила перед ним ноги... Что ж, похвально... Может, ты и его дружков удовлетворяла... Просвети...

Влада злилась. Непроницаемый урод. Вот все, что он из себя представлял. Урод, которого она так и не могла выки-

нуть из сердца, даже сейчас.

– Так когда же самое интересное? Когда ты захотела его? Когда он выебал тебя по твоей воле? – он налил себе виски. Нервничал или просто так? Привычка.

Был ли смысл рассказывать ему, что она пыталась связаться с внешним миром? Что ее поймал Валид и сдал, что она дружила с Мустафой, что она еле выжила после экзекуций того радикала, что Он пришел за ней, что закрыл своим телом, спасая от ранения или даже гибели...

– Я устала и не хочу ничего больше рассказывать, Васель. Что ты хочешь знать? Он смотрел на меня так, словно я центр мира. Он хотел на мне жениться. Он спас меня от гибели. Он не бросил меня... Это все, что тебе нужно знать. Это все, что имеет значение...

Васель отшвырнул от себя стакан, так, что тот разбился о стену.

– Ты кончала с ним? Хотя зачем я спрашивал, конечно, кончала... – его лицо снова исказила гримаса боли... Суад терла все сильнее, оставляя красные следы от пальцев на теле Влады.

– Что это изменит, Васель... Ты устроил этот унижительный допрос не для того, чтобы докопаться до истины. А чтобы сломить меня еще больше... Что с того, если я скажу тебе, что ни на час не забывала о тебе. Что с того, что я скажу, что молила тебя каждую ночь услышать меня и прийти. Сначала я ждала и обжигалась. А потом поняла, что надеять-

ся можно только на себя. Да, я стала манипулировать Каримом, называй это моим блядством, раз так хочешь. Я легла под него сама, хотя это было не совсем так, но это уже частности. И да, я кончала под ним, но только каждый раз мой оргазм отзывался в моем теле не сладостью удовольствия, а горькой болью унижения и тоской по тебе, предавшего меня с грязной кабарещицей, с праведной сирийской девочкой... да сколько их было... откуда мне знать... Зачем мне все это тебе рассказывать, Васель... Я прошла через многое. И да, я изменилась.. Но я ни на секунду не предавала своих чувств к тебе... Даже в моменты, когда отчаяние было слишком близко...слишком рядом, я понимала, что только мысли о тебе дают мне силы...

Он устало и пренебрежительно запрокинул голову назад. Вернее, делал вид. Влада не могла не заметить, что каждое ее слово, словно нож масло, касалось его чувствительных струн души.

– Все это твой ядовитый треп, женщина, заткнись уже... Суад, рухи (араб. – уйди)...

Она ушла. Все эти унижительные минуты Влада мысленно ждала момента, когда служанка уйдет. Ей было банально стыдно перед ней, хоть та ничего и не понимала – при ней они говорили на русском. Но как Суад ушла, стало почему – то совсем не по себе... Быть наедине с ним. Он так смотрел на нее... Страшно... По – звериному... Похотливо...Знай она, что на его месте ее Васель, тот Васель из ее

прошлой жизни, она бы была счастлива от такого взгляда, он бы посылал по ее телу разряды возбуждающего тока. А сейчас он не вселял ничего хорошего. Сейчас она не узнавала этого мужчину...

– Все твои проблемы, Влада, от того, что ты никогда не слушаешься тех, кто умнее тебя и сильнее... Вот опять... Те же грабли... Послушайся ты меня, останься дома в тот день и не припрись устраивать этот цирк в кабаре, ты бы, быть может, не попала бы к Дибу. Не прояви ты самостоятельность, не ринься спасать живой труп и признаваться ему в любви в присутствии десятков глаз, мы бы могли попытаться все начать с начала, перелистнуть эту полную грязи страницу. Но ты не учишься на ошибках, не думаешь головой... И сейчас... я предупреждал тебя, чтобы ты больше не называла меня по имени, как это могут делать те, кто мне ровня... Но ты упорно выбираешь самый неправильный из всех путей... Сама усугубляешь свое положение, детка... Играешь со мной, возбуждаешь, соблазняешь. Думаешь, я не вижу этого? Но мне это нравится, потому что я и правда хочу тебя... Жутко тебя хочу... Я ведь еще не трахал тебя так, как трахаю своих шлюх. Тебе понравится, ты любишь грубость...

Дыхание сперло от этих гадких слов... От этого уничтожающего взгляда... Почему он смог так просто и безнаказанно забрать ее из этой поганой тюрьмы, где были все те великие охранники, которые не давали девушке все эти недели в го-

стинице даже спокойно вздохнуть...

– Твое тело вымыли, Влада. Ты больше не пахнешь им... Теперь на твоём теле самое грязное – ротик... Ротик, которым ты так сладко сегодня его целовала, а ночью накануне целовала меня... Сука... ты делала это с ним, зная, что за вами наблюдают, зная, что половина сотрудников безопасности в курсе, что ты моя... ты хоть понимаешь, что ты натворила?!

Он явно был не в себе... Как ей хотелось убежать.

– Это уже ничем не исправить... Зато можно почистить твой ротик, заодно напомнить, чтобы ты впредь следила, что из него будет вылетать...

Он откинулся на кресле и раздвинул ноги ещё шире.

– Давай, детка, подойди и удовлетвори меня... Твой рот он тоже трахал?

В глазах слезы. Может, он успокоится, может..

– Пожалуйста, не убивай нас, Васель... Я никогда это не делала ему...

– Я сказал, приступила к делу! Хватит пиздеть. Делала – не делала, – конечно, он ненавидел ее, – думала она, только ненависть могла сделать его глаза такими злыми... и алчущими...

– Как бы я хотела тебя ненавидеть, Васель, как бы я хотела... Но я люблю тебя... Хотя если бы могла вырвать сердце, то вырвала бы... Если бы могла тебя выкинуть из него, то выкинула бы, и заменила им. Он... он... лучше тебя... Ты

был прав тогда... в твоём притоне в Джерамане...

Уже в следующую секунду он подскочил к ней, борясь с желанием ударить наотмашь... Схватил за волосы, смотрит яростно, тяжело дышит, словно лев на охоте. А у нее в глазах слезы... Она борется с ними. Потому что не увидит он ее рыданий... Не заслужил после всего того, что сказал ей.

Ярость разрывала Васеля, ему хотелось выть от одной мысли, что она сравнивает их... Он говорил ей гадости, перегибал палку с грубостью, но от этого только сам все больше и больше испытывал боль... Ему было больно смотреть на ее поруганное другим мужчиной тело там, в больнице, на то, как другой пометил ее как свою... Но гораздо большее было видеть их взгляды там, в тюрьме... Он мог простить ей слабость инстинктов, мог понять, почему она ложилась с ним там, в Хомре, будучи пленницей. Но их встреча сегодня говорила о том, что помимо инстинктов у Влады к Дибу есть чувства... Нежные, теплые... настоящие... Сегодня на рассвете она вытащила его сердце из грудной клетки, впи-лась в него своими острыми коготками и швырнула в бездну, оставив подышать там одного, неудовлетворенного, отвергнутого... А сама заглядывала в глаза другому, целовала его, шептала на ухо нежности и позволяла прикасаться к себе... Когда спросонья, не ощутив ее рядом, зато нащупав звонящий мобильный, Васель услышал упавший голос Аделя, со-общивший, куда она выехала, пока он в неведении спал, он понял, что назад уже дороги не будет... Не помнил, как нес-

ся по утренней трассе туда, за ними. Не помнил, как свирепо посмотрел на начальника смены и приказал включить камеры.

И вот она у него. И плевать, что это наверняка стало достоянием общественности. Он подумает об этом завтра, а сегодня – она ответит за все... Он обнажит ее чувства так же, как обнажил такое желанное им тело... Теперь она уж точно никуда не денется от него. К наваждению прицепилось гадкое и разъедающее чувство мести и мазохизма... Он вытащит из нее каждое признание, вытрясет раскаяние, а потом выкинет любую мысль о том, другом. Вытрахает, выжжет своим обладанием....

Она стояла перед ним мраморно белая и прямо, неотрывно смотрела на него. Еще секунду назад застилающая пелена слез на ее глазах словно иссушилась. Теперь она вела себя так, словно была сторонним наблюдателем... Безучастно, спокойно... Больше всего убивало это равнодушие. К нему, а не к этому ублюдку...

Кровь прилила к его голове, ярость обуяла все тело еще сильнее. Он плохо себя контролировал, словно превратился в один большой кусок стали. Большой и суровый, как глыба. Он схватил ее за шкуру, близко придвинул к себе, смотрел ей в лицо какое – то время.

– На колени, – не собиравшись отступать... Не даст ей этой привилегии, – и постарайся, а то заставлю тебя часами тре-

нироваться на фаллоимитаторе в этой позе.

Влада посмотрела на него убийственным взглядом, а потом быстро опустилась между его ног, расстегнула ширинку, и разом взяла его возбужденное достоинство в рот, не сводя своего взгляда с него. В тот момент все ее чувства отключились. Наверное, потому, что иначе бы она сошла с ума... Он громко зашипел, не в силах противостоять волне обрушившейся лавине удовольствия. Схватил копну ее волос и начал быстро вбиваться в нее, не думая о состоянии девушки. Это было больно, грубо и, если бы не ее любовь и неизбежное возбуждение в отношении него, унижительно. Кончал он громко – запрокинул голову от кайфа, с рыком изливаясь в нее, держа ее за волосы, чтобы она заглотила его сперму.

Наконец, его хватка ослабла. Он все еще поглаживал ее волосы. Теперь расслабленно, вальяжно. Словно поощряя, как хозяин хорошо выполнившего трюк щенка.

Девушка попыталась было встать, но он схватил ее за плечи.

– Не спеши, хабибти, – прошептал он насмешливо. – Ты не усвоила свой урок.

Я слишком добр с тобой. И видимо, зря. Придется показать тебе разницу, как бывает с теми, кого просто трахают. Кто существует, чтобы не получать удовольствие от мужчины, а только давать. Молча и безропотно...

– Васель, – начала снова Влада, но на этот раз он прервал ее грубым – ускути (араб. – заткнись).

Она замолчала. Мужчина хлопнул себя по коленкам.

– Иди сюда, асфура, так он тебя называл? Тебе нравится? – Владу передернуло, – у меня есть кое – какое лекарство для твоей вежливости и внимательности.

Девушка стояла не шевелясь, тяжело дыша и вытирая истерзанный только что рот.

– Влада, – сказал он строго на русском, – ты делаешь себе все хуже и хуже.

Она, наконец, подошла и в нерешительности стала было садиться на его колени, но он подхватил ее одной рукой за талию, другой – за ляжки и положил на себя задом кверху.

– Что ты делаешь? – в ужасе воскликнула она, но ее волнения были оставлены без внимания.

Васель несколькими круговыми движениями провел по ее ягодицам...

– Скажи – ка мне, Влада, а вот в эту сладкую дырочку он тебя имел? – Васель раздвинул ее ягодицы и уверенно надавил на то, что между ними. Влада с ужасом вздрогнула, – пожалуйста, – ее голос переходил в горькие всхлипывания.

– Думаю, нет, судя по твоей реакции... Что ж, дурак... Столько незабываемых моментов потерял... ну ничего, будет чему тебя научить... У меня всегда колом стоит на твою шикарную задницу... Мы ведь так и не успели довести дело до конца тогда, в моем доме в старом городе... Ты сбежала от меня раньше...

В комнате раздался громкий шлепок, а потом – женский

вскрик. Потом – еще и еще. Васель наращивал темп, с каждым разом делая пятую точку Влады все краснее и краснее. Было больно, но взяв себя в руки, она старалась не кричать, при каждом ударе кусая губы и подавляя желание разрыдаться. Он уже шлепал ее когда – то, но тогда все это было буд-то частью игры, на грани, которая лишь возбуждала. Сейчас было по – настоящему больно... Кисти девушки до белых костяшек инстинктивно сжали ножки стула, на котором сидел ее нынешний «хозяин». На пятнадцатом ударе терпеть было уже нельзя, и она стала просить его прекратить, но это лишь распаляло его.

Влада чувствовала каменную эрекцию Васеля и понимала, что с окончанием порки он все равно возьмет желанное.

– Асфура, ты слишком непослушна, – читал он издевательским тоном ей нотацию, – может, это поможет исправить твое поведение.

– Ааай, пожалуйста, хватит, я прошууу, – уже почти кричала она, безрезультатно вертясь под его крепким захватом.

– Ты все время делаешь мне всё на зло, хабибти, ма бисыр хэк (араб. – так не пойдет), – его забавляло то, что происходило, а слезы девушки, как кажется, совсем не трогали.

– Хорошо, хорошо, Васе... Господин, хватит, пожалуйста. Я перестану себя так вести! Я буду послушной! Только прекрати, – она взмолилась, наконец, уже близкая к истерике.

Васель остановился. Властно, словно осматривая свою работу, провел рукой по ее разгоряченным полушариям.

– Хильв (араб. – хорошо), – возбужденно проговорил он, – ктир хильв (араб. – очень хорошо).

Влада шмыгала носом, все еще не способная прийти в себя.

– Вставай, халас (араб. – хватит), – сказал он повелительно, в последний раз ударив ее по больному месту.

Девушка молча повиновалась его командам, сгорая от боли и унижения. И в тот момент ей было не понятно, что сильнее ее удручает, ее выбитая покорность или боль от порки.

– Подойди к комоду у стенки и прогнись. Я хочу посмотреть на тебя.

Она молча сделала, как он велел, подошла к стоящему у стены комоду, над которым весело большое зеркало. С ужасом она увидела в нем свое заплаканное отражение, а потом увидела его горящее похотью лицо, когда он подошел сзади. Внутри опять все предательски за трепетало. Даже сейчас, в этом болоте унижения и боли она сгорала от одного его взгляда.

– Расставь ноги, – приказал он снова, – шире. Да, вот так.

Он получал удовольствие от экзекуции, и даже не думал это скрывать. Обманчиво нежными движениями гладит по ее голому телу, дыхание – тяжелое и частое. Он был красным от возбуждения, хрипотца в голосе, опьяненный своей властью взгляд на девушку.

– Ты сводишь меня с ума, Влада, – прошептал он, продолжая плавные движения рук и снова расстегая ширинку.

Бесцеремонно Васель проник своим пальцем в ее влажную щель и тут же расплылся в самодовольной улыбке.

– Хабибти, а тебе понравилось, что я с тобой делал.

С ужасом Влада осознала, что она действительно возбуждена. От шока она даже не понимала, что его болезненные шлепки отражались в ее нутре каким – то странным животным удовольствием. Его штаны упали вниз. Он скинул через голову футболку, оставшись совершенно голым.

Васель приподнял ее за волосы, заставив посмотреть в зеркало на отражение их обнаженных тел, от которых словно исходило свечение похоти. Влада бессознательно поймала в зеркале выбитую на его груди букву «В» и зацепилась за нее глазами. Васель увидел это, рвано выдохнул, резко войдя в нее сзади, не разрывая их зрительного контакта. Царапая своей щетиной ее шею.

– Ты моя – шептали его губы, дергающиеся от судорог удовольствия, – даже сквозь годы, сквозь километры, сквозь ненависть...

Она не могла больше подавлять нарастающего возбуждения и пораженно застонала.

– Да, девочка, как я люблю слышать твои стоны... Подышал без них, без твоего дыхания, без твоей узости, без твоего тепла...

Он стал наращивать темп, потом вдруг с силой схватил ее за плечи и развернул к себе, подхватил под бедра и посадил на комод.

Его член снова оказался глубоко в ней, так неожиданно и резко, что она вскрикнула.

Васель оторвал свою руку от ее груди, которую до этого сильно мял, засунул средний палец в рот Влады.

– Намочи его, – прошептал он ей.

Девушка повиновалась, не в силах остановить его страстный напор.

Еще мгновение – и его смоченный палец оказался там, где она меньше всего ожидала. Он уверенно, но медленно круговыми движениями стал вводить его ей в анус. Она пыталась отстраниться, сама не своя от пожиравшей похоти, но все ее попытки пресекались его собственническим захватом. Когда он погрузился на полную длину, движения в обеих ее отверстиях стали синхронными. Васель то жадно впивался в губы Влады, то скользил по ее шее своей щетиной.

И его глаза снова смотрели так, как она привыкла – глубокой, одержимой морской глубиной, в которой она растворялась.

– Ты вся моя. Я владею тобой, всей, – прошептал он ей. Его страстный напор был столь велик, что сил противостоять ему почти не осталось. Из внутреннего нутра Влады вырвалась сдерживаемая ею все это время энергия. Она понимала, что приближение ее оргазма неизбежно. За все эти месяцы, за все эти слезы, переживания, мольбы... Как бы ни было с ним больно, она любила его... И это воодушевляло и уничтожало ее одновременно. Они одновременно кончили. Сказоч-

но. Феерично. Запредельно. Сколько раз она потом ловила себя на мысли, что вне зависимости от того, насколько грязным, разнузданным, похотливым был их секс, он неизбежно заканчивался настолько же высоким, неземным, словно са-кральным оргазмом.

Девушка словно освободилась от тяжелого груза. Куда – то ушло чувство стыда, унижения, растерянности, обиды и даже боли. Казалось, она распалась на мелкие частички, соединилась с воздухом, космосом, теплом его тела, его учащенным дыханием.

– Ни с кем, как с тобой, – прошептали его губы у ее уха, почти бесшумно.

После оргазма на нее накатило такое чувство облегчения и усталости, что она не стала сопротивляться никакому из его действий. Она не заметила, как они оказались лежащими на махровом ковре. Теперь он обнимал ее за талию и теребил волосы... На минуту ей показалось, что эта волна удовольствия смогла снести воздвигнутые в их отношениях баррикада, что она вернула все на свои места. Что они снова будут вместе, едины в своей нежности и всепоглощающей страсти одновременно... Что вся эта жестокая игра позади. Казалось, мир снова заиграл яркими красками... Сердце снова забилось...

– Все – таки трахаться ты умеешь превосходно, от природы, Влада. Прирожденная шармута. Будешь впредь такой же послушной и отзывчивой, нам удастся избежать излишних

драм...

Он поцеловал ее в затылок и резко встал с ковра.

Только когда Влада услышала его отдаляющиеся шаги она поняла, что можно вдоволь поплакать... Ничего не изменилось. С ней рядом был другой человек. Но слезы, а с ними и ожидаемое облегчение, так и не пришли.

В комнату бесшумно вошла Суад. Совершенно неожиданно опустилась перед ней на колени, обняла и накрыла пледом. Влада удивленно подняла на нее глаза – откуда нежность? Где была эта нежность час назад, когда она безбожно натирала ее жесткой щеткой, когда бесстрастно обливала маслом на глазах у него.

– Ма бтабки, азизти, халас, бякфи (не плачьте, дорогая, хватит), – шептала она ей со свойственным акцентом с побережья. – Он Вас так любит. Это большое счастье... Любая бы мечтала быть на Вашем месте...

Влада устало усмехнулась, но сил что – то объяснять девушке не было.

Суад помогла подняться ей с пола и препроводила в комнату, где ее ждал накрытый щедрый обед.

– Господин Васель просил оставить Вам на тумбочке обезболивающее и снотворное, если пожелаете.

Влада молча кивнула служанке, которая поспешно отклонялась, не забывая захлопнуть за собой дверь. Девушка удивилась, что двери в доме Васеля были на магнитных картах, а

не на замках, словно они в отеле... Беглым взглядом осмотрела комнату – она была шикарной и мрачной. На окнах решетки. Чтобы она не убежала... Не убежит... Некуда бежать. Подошла к шкафу – в нем висели вещи, новые вещи. Красивые... И слишком сексуальные. Она со смесью ужаса и удивления смотрела на платья с открытыми вырезами, прозрачные, обтягивающие, кружевные, короткие... Там было все... И туфли... Лабутаны. Лабутаны черные. Лабутаны с шипами. Лабутаны цвета кожи. Все на гигантской шпильке.... Она побоялась открыть шкаф с бельем... От вида поясов и кружев ее сейчас бы, после пережитой грубой экзекуции, вывернуло... Косметика на трюмо, полный арсенал... Очевидно, к наполнению этой комнаты приложила руку женщина. Было куплено все, что можно было отнести к разделу «хит продаж»... Он приготовился к ее приезду, и это пугало еще больше... Какая – то заранее созданная для нее темница... Почувствовав внезапно острый голод и сильную головную боль, не говоря уже о саднящей боли в горле и во всем теле, девушка поняла, что измождена, устала и действительно ничего не ела с самого утра. Наспех перекусила оставленной едой. Посмотрела на тумбочку с лекарствами. Усмехнулась. Какая – то унижительная забота, – пронеслось в ее голове. Не долго думая, выпила приготовленные лекарства, скинула шикарное покрывало с кровати и залезла с головой в мягкую сатиновую постель... Голая... Сердцем и телом... Усталость побеждала, хотелось погрузиться в сон, отключиться,

забыться и верить, что все это происходит не с ней....

ГЛАВА 9

– Как она? – спросил у проходящей, словно тень, служанки.

– Заснула, я сиди (араб. – господин). Там, внизу, сильно плакала.

Он с силой сжал зубы и кулаки. Противоречивые чувства разрывали его. Хотелось вломиться в ее комнату, откинуть одеяло, прижать к себе, обнять, защитить от всего мира, шептать до утра нежные слова и вымаливать прощение за свою грубость. А как думал о ней с ним, хотелось задушить, сделать еще больнее... Васель корил себя, что так и не сумел раскрыться Владе, показать всю глубину своих чувств к ней. Слова всегда давались ему тяжело, когда дело заходило о том, что на сердце. Слишком обжегся он еще в детстве... В их отношениях ей все время казалось, что она любит больше, делает больше, открывается больше. Знала бы она, какой ураган бушевал в его душе... Он запутался в сложностях своей жизни, запутался во лжи, интригах, увертках... У него все было витиевато, в отличие от прямолинейного Карима. На фоне скрытности Васеля Карим был понятен и открыт. Он задавил Владу своей крестьянской пошлой любовью, а женщины так падки на банальную мужскую упертость в достижении желаемого... Она все время сомневалась в любви Васеля к ней, но зато отпетый бабник Карим, влюбчивость которого всегда была сопоставима с направлениями переменчи-

вого ветра, смог внушить ей, что его чувства – на века, как в дурацких пошлых романах... Видеть их рядом... Снова разговаривающими, флиртующими, нежащимися... Как он мог такое допустить? Никак не забудет, как их глаза пересекаются... улавливает в ее взгляде то, чего нет, когда она смотрит на него... Какой – то общей истории, общей тайны... Общего багажа... Хотя сейчас она на него ведь и не смотрит, сегодня он почти победил ту вольную и самодостаточную Владу, которую узнал при первом их очном знакомстве... Он чувствовал себя долбанным Отелло, как бы пошло это ни звучало, но сделать с этим ничего не мог....

Телефон разрывался. Еще бы. Слухи о его выходке уже могли долететь до родных. Еще и Мирна. Он совсем забыл о ней, совсем перестал уделять ее семье хотя бы мало – мальское уважение вниманием, так важное в их ситуации в восточном обществе... Но ее видеть не хотелось совсем, особенно после концерта в гостинице... Расстались они там, мягко говоря, некрасиво. Увидев, что Влада уходит и понимая, что надо действовать оперативно, он наспех отправил и без того недовольную невесту, все видящую и все замечающую, с Аделем домой... Смешно было бы предполагать, что она не знает, за кем и зачем Васель поспешно ретировался.

– Алло, – ответил он, наконец, на звонок помощника.

– Привет, слушай, ну бери трубку хоть иногда! Тебя очень хочет видеть бабушка, Васель...

Ругнулся про себя. Только этого ему сейчас не хватало...

Но делать было нечего. В их семье гранд – дама после смерти деда оставалась богиней с контрольным пакетом акций во всех семейных делах, а может и не только семейных... Через пятнадцать минут он уже заводил свой ревущий мотор на пути в семейное гнездо.

Васель приехал в дом бабки, зная, что сделал это, лишь чтобы поздороваться с ней и сразу уйти, дабы не встретить того, кого не хотелось бы. Зайдя в большую просторную гостиную, однако, и услышав за спиной на диване чей – то кашель, он сразу понял, что прогадал со временем посещения. Обернулся и увидел дядю Авада, который делал себе по привычке самокрутку и с усмешкой смотрел на вошедшего.

– Мархаба (араб. – привет), племянник, шу фи ма фи (араб. – как дела?)? – с сарказмом начал он.

– Ля баас (араб. – неплохо), – процедил сквозь зубы Васель и, не останавливаясь, пошел в направлении лестницы.

– Маду спит (так сокращенно от Мадлен вдову первого Президента называли все родственники лет с двадцати), не беспокой ее, – остановил его Авад. Между ним и матерью всегда существовала какая – то маниакальная связь. Вот уж у кого не была перерезана пуповина, выражаясь новомодным языком психологов.

– Передай ей, что я заходил, – сказал Васель, намереваясь тут же уйти и явно показывая, что не желает с ним говорить.

– О, какое отсутствие воспитания, подойди, хотя бы об-

ними дядю, сделай вид, что хоть немного наш! – привстал Авад, деланно протягивая руки в направлении племянника, словно ожидая от него объятий.

Васель не прореагировал никак. Вместо искусственных объятий подошел к бару и налил себе немного виски.

– Не понимаю, в чем твоя проблема, дядя, – начал он так же невозмутимо и высокомерно, как его собеседник.

– Моя проблема – это моя проблема, – искусственно улыбаясь, парировал издевкой Авад, – а вот в чем твоя проблема я, наконец, знаю.

Васель заметно напрягся, что было видно по проступившим у него на шее жилам.

– И давно ты с ней спишь? – продолжал свой гнусный напор «дядя».

– Тебя стало волновать, с кем я сплю? Это прогресс, думал, что мы ограничиваемся, как и прежде, взаимным игнором, – выплюнул презрительно в ответ Васель.

Авад усмехнулся.

– Ты знаешь, золотой внук, – на этих словах он сделал особый упор, – меня это мало волновало, когда ты трахался с шармутами из Шама, но эта твоя слабость... он манерно сделал паузу, – Не думаю, что это бы понравилось твоему деду!

Васель не спеша отпил виски из стакана.

– Мы никогда не узнаем, что бы понравилось моему деду. Что тебе надо, Авад? – резко спросил он у него. – Ты ничего

просто так не спрашиваешь.

– Мне? Да в общем – то ничего. Делай что хочешь... Только вот все равно забавно получилось, что она была в твоей постели, а потом оказалась в постели этого сопляка Дибя. Неужели совпадение? Вы же были с ним не разлей вода, пока ты не оприходовал его сестренку, – продолжал слащавым голосом провоцировать его Авад.

Васель терпел из последних сил. Он с силой сжал рукой стакан, сохраняя молчание, пока тот не разлетелся на мелкие осколки с характерным звуком.

Авад звонко залился деланным гоготом.

– Тише – тише, не порть имущество... не забывай, мы под чертовыми санкциями, а это Баккара, коллекционный набор, покупал его лично в Париже. Что с твоими нервами, племянник? Мне казалось, удовлетворенный мужчина бывает расслаблен и доволен, а ты как струна. Чем вы там занимаетесь с твоей русской гурией со вчерашнего дня, обсуждаете достоинства Карима? Она же у тебя там? Я уже наслышан, как безмозгло ты утащил ее прямо из здания тюрьмы на глазах у кучи народу...

Не чувствуя боли от поранившего его стекла, отчего вся его рука истекала кровью, Васель, потеряв последние капли терпения, подбежал к Аваду и со всей силы ударил его по лицу.

Тот явно не был готов к такому выпадку. Вся его физиономия была в крови, вот только кровь эта была васелевской, от

пореза.

– Щенок, – проговорил он сквозь зубы, вытирая лицо рукой, – позоришь весь клан! Думаешь, слухи о твоих похождениях не дошли еще до семьи Лейс? У матери всю ночь давление из – за тебя!

– Что – то у бабушки не было давления из – за твоих постоянных походов и измен жене! – бросил он на ходу, направляясь к выходу.

– Не путай короткие развлечения на ночь со своими любовными метаниями! Весь Дамаск знает, что эта русская держит тебя за яйца. Но смешнее всего то, что она держит за яйца и его! – он снова деланно расхохотался, – Хотя почему я не удивлен, что это тебя устраивает. Грязные, неверные сучки ведь у тебя в крови! От осинки не родятся апельсины... Ты и сам от такой появился на свет...

Васель остановился. Развернулся. Стремительно настиг Авада и снова со всей силы впечатал ему по физиономии. А потом снова и снова. Обезумев от ярости, он наносил один удар за другим, словно, наконец, наступило долгожданное избавление, разрядка за все эти дни. Так вот что ему было нужно. Попросту набить «любимому дяде» морду...

Он не чувствовал боли в руке от эйфории, хотя оказавшееся в ране от пореза стекло после наносимых ударов впилося в ткани еще сильнее и глубже. Его отвлек женский крик и неловкие попытки чьих – то рук оттолкнуть его от полуживого Авада.

– Васель, прошу, остынь! – кричала жена Авада, только приехавшая в дом. – Что случилось?!

– Позаботься о муже, – не смотря на нее, отрываясь, наконец, от жертвы сказал он, направившись напрямиком к выходу. Странно, но к ней и к детям Авада он относился хорошо. В сущности, они, как и другие родственники, ничего не знали об их многолетней вражде. Авад был слишком тщеславен и скрытен, чтобы афишировать свою латентную ревность, а Васель просто привык прятать свои чувства от посторонних глаз.

Только сейчас почувствовал сильную боль в руке. Она была похожа на большой окровавленный окорок... Охранники Васеля сразу поняли, что надо делать. Адель протянул ему ворох салфеток и уже открыл было дверь пассажирского сиденья в Каррере, чтобы посадить начальника и сесть за руль самому, но тот его пресёк:

– Нет, я сам, – не требующим возражений голосом проговорил он и быстро запрыгнул в свою машину с замотанной салфетками рукой, которые уже были насквозь пропитаны алой кровью.

– Вен раихин – сейиди (куда едем, господин), – сказал Адель на ходу ему.

– Иля Мирна (араб. – к Мирне), – быстро ответил Васель и завел свой бешеный мотор.

ГЛАВА 10

Васель отчаянно прокручивал в голове слова Авада, вот только не в части, касающейся его оскорблений. К ним он привык и воспринимал их как банальную попытку спровоцировать, чему в данной ситуации парень был даже рад – нужен был повод, наконец, начистить этому дегенерату наглую рожу. Настораживали его намеки про взаимосвязь истории с его дружбой с Каримом в прошлом и ситуацией с Владой. Этот урод при всей своей мелочности был весьма проницателен и подозрителен. Про маниакальную, параноидальную тягу Авада искать заговоры, разоблачать предателей, рассекречивать сговоры у себя за спиной ходили легенды. И как это обычно говорят, тот, кто ищет – всегда находит. И он находил... Порой эти разоблачения больше напоминали признания людей после инквизиционных дознаний в средневековой Европе, когда из людей под пытками выбивали любые показания, а подчас он действительно со своей излишней подозрительностью попадал в точку... Меньше всего ему сейчас хотелось, чтобы он копался в этой истории, лез к нему, и тем более, к Владе. Ситуация все больше подсказывала, что нужно было доставать припрятанные на всякий случай козыри... Другого выхода не оставалось.

Еще и фактор Мирны, о котором он постоянно забывал на фоне переживаемого сумасшествия с Владой. Ее семья

могла действительно знать о произошедшем и явно не пылала восторгом по этому поводу. Нужно было прозондировать почву, немного побыть долбанным «внимательным женихом», хотя ни душевных сил, ни банального желания для этого не было ни капли.

Васель попросил одного из своих охранников купить «любые» цветы, сунув такую сумму ему в руки, что можно было забрать весь цветочный ларек с продавцом в придачу. Собрал все силы в кулак, вышел скрепя сердце у дома «избранницы своего деда», как в шутку он называл Мирну при самых близких, намекая на вынужденность этого союза. Рука на тот момент была уже обработана и перевязана. Благо, ребята Васеля всегда возили с собой полностью укомплектованные аптечки. Времена нынче были такие...

Они стояли у машины, Васель отрешенно в телефоне, Мирна, повисшая на его шее.

– Почему уходишь? Останься еще чуть – чуть, хабиби, – сладко ворковала милым голоском.

Всегда ухоженная, всегда шикарная, даже в домашней обстановке – мягкий кашемировый костюм цвета беж, духи насыщенного цветочного аромата, который казался ему приторным и навязчивым.

– Дела, хабибти, асиф (араб. – сожалею), – отвечает, почти не глядя на нее, что – то там гуглит в телефоне

– С ней дела, да? – язвительно выплюнула она, – это прав-

да, что она у тебя в доме? Васель! Не думай, что мы не в курсе, просто у моей семьи хватило тактичности не накидываться на тебя с целью проверить достоверность наглых сплетен!

Действительно, при встрече с отцом Мирны, который к сожалению, на момент его прихода оказался дома, читалась холодная подозрительность и плохо подавляемый гнев, но он ничего так и не сказал жениху своей дочери, то ли не желая создавать преждевременный конфликт, то ли понимая, что проблема незначительная – у кого из именитых арабов, в том числе и у него самого, не было интригующей связи с иностранкой или девушкой не из их круга. Как правило, здесь на такие «интрижки» внимания никто не обращал...

– Если у твоего отца были ко мне вопросы, надо было их задать. Иначе не вижу смысла обсуждать эти глупые темы, – жестко отсек он, убирая назойливые руки девушки от себя.

– Васель, – она стушевалась и испугалась, ее наивное влюбленное заискивание раздражало, – я просто хочу больше времени проводить с тобой, а ты скрытен, все время где – то... Живешь своей жизнью... Что у тебя с рукой, где ты ее поранил... Я скучаю по тебе, все время скучаю... Лежу в постели и скучаю... Если только захочешь, мы можем не ждать свадьбы, – томно протянула она, касаясь его плеча. – люблю тебя, с самого детства, с ума по тебе схожу...

А эта девочка Лейс не из робкого десятка, – подумал он про себя. Ее смелые заигрывания выглядели наивными и да-

же смешными. Хотя нет, он врал. Они были бы весьма интригующими, притягательными, даже будоражащими. Мирна была эффектной девушкой. Глупо было это отрицать. Были бы... Если бы его мысли не были целиком и полностью поглощены той, что осталась в его доме, разбитой, недовольной, обиженной его грубостью, принявшей его вчерашнюю похоть с такой невероятной отзывчивостью тела вопреки протестующему сознанию... Она всегда принимала его, всегда отвечала на все, что он ей давал.. И даже если ее разум, строптивый нрав и острый язык противились, душа и инстинкты ее были всегда его верными союзниками. Нестерпимо захотелось рвануть туда, к ней, ощутить ее цепкие объятия, или острые кулачки на себе – все равно. Неважно что, только с ней, подальше от этой жеманной куклы, формально невинной телом, но такой хитрой, изворотливой и изощренной душой... Такими рождаются и... воспитываются... Она не была в этом виновата, девочка семьи Лейс...

– Что мне сделать, чтобы ты был доволен, хабиби?! Любое твоё желание!

– Пусть твоя мать позвонит моей бабушке или сама позвони. Скажи, что я был у тебя. А то она переживает за нашу красивую пару... – не смог сдержать едкий сарказм... – Мне надо ехать, Мирна, халас, – твердо сказал он со вздохом, открывая дверь в автомобиль.

– Хочу с тобой, – не унималась она, – опять бросаешь меня одну... Оставляешь думать о тебе, хотя все могло бы

быть...

– Повторяюсь, даже не думай об этом. Не разочаровывай меня. Только в брачную ночь, – прозвучало назидательно – наставнически. Обычно такие морали читают невесты своим нетерпеливым женихам...

– А с ней не разочаровываешься?! Что ты нашел в ней? Я видела ее, мы говорили! Приезжала к ней в отель. Она никакая. Кожа да кости, бледное лицо! Она словно моль на фоне меня! Даже когда вырядилась в то вульгарное красное платье и вертела своей жопой на концерте перед всеми мужиками Дамаска, она все равно была никакая!

– Что ты сказала? Ты приезжала к ней в отель?! Зачем?! Что ты ей наговорила?! – теперь уже Васель дернул ее за плечи.

– О, ну хоть какая – то эмоция на твоем лице появилась, как я заговорила про эту суку! Нужно будет, еще раз приеду! Я буду бороться за свое счастье до конца! Говорила то, что говорила! Правду говорила! Что она у тебя не первая, не последняя и не единственная! Что ей нет места в твоей жизни, в нашей жизни, Васель, в нашей! Я теперь часть твоей жизни! Не забывай это! И унижений в виде всяких русских шлюх я не потерплю!

– Будь аккуратнее в оценках, Мирна. Мне кажется, ты забываешься. А еще ты слишком самоуверенная...

– Разве не ты меня засватал, Васель? Не сам пришел ко мне? – обиженно отвечала Мирна, – мы поженимся. Я буду

твоей женой, Васель. Женой... Этим все сказано.

Он открыл дверь машины, сел, посмотрел на нее пренебрежительно – надменно, приподняв бровь.

– Все сказано, говоришь? Малышка, Париж выбил из тебя все знания о наших реалиях? Ты права, ты будешь моей женой. Но кто сказал, что единственной? Я могу завести себе еще три жены, и не тебе решать, кто это будет, когда и почему...

Захлопнул дверь, резко стартанув, обдав Мирну волной горячего воздуха

Она что – то продолжала кричать, яростно сжимая свои холеные руки, а он неся туда, куда уже не первый час его так влекло...

– Адель, у тебя с собой все, что я передал из вещей Влады? – спросил у друга по выделенной линии, чтобы никто не мог подслушать.

– Да, как ты сказал, – сухо ответил помощник, все это время в числе его охранников ожидавших Васеля за поворотом у дома семьи Лейс.

– Бери эти вещи, забирай Дарью и действуйте по схеме.

– Все – таки решил? – спросил друг с ноткой сожаления.

– Другого выхода нет, – сухо ответил он и повесил трубку...

ГЛАВА 11

Утро далось ей очень тяжело. Она долго не хотела вылезать из постели, радуясь, что ее никто не тревожит. Когда спать было уже просто неприлично даже для человека без дел и задач на день, наконец, встала, приняла ванную, распахнула шторы, впустив в комнату струю жаркого света. Но шло время, а завтрак или скорее обед, судя по стрелкам на часах, ей так никто и не принес... Все забыли о ней? Или он решил сморить ее еще и голодом.. Прошло часа два. Хорошо, что до нее, наконец, дошло подойти к двери и дернуть ручку... Она на удивление оказалась не заперта. Спустилась вниз и только внимательно осмотревшись, поняла, что одна... Нашла кухню... Поела сервированные на столе закуски. Неужели он отпустил даже прислугу...

Влада оставалась одна в доме весь день. Она успела осмотреть его вдоль и поперек, найдя удивительно органично сочетающимся с самим Васелем – в меру современным, даже эргономичным, но с умело и эклектично вплетенными в дизайн элементами Востока. Поскольку в своем шкафу она отыскиала только совершенно провокационные, возмутительные вещи, зашла в его гардеробную, которая не была заперта... Его запах, его одежда. Она медленно провела по висющим в ряд пиджакам, рубашкам, футболкам, словно материально ощущая его ауру. Закрыла глаза, мысленно пред-

ставляя его. Она любила и горела, вопреки всему. И самое чудовищное, вчерашний унижительный вечер запомнился ей лишь ярчайшим оргазмом. Он поглотил все, все ее унижения, его грубость, презрение. В сухом остатке все, что она ощущала – долгожданное удовлетворение от близости с ним, пусть и такой жестокой... Она зависима от него. Он действительно наделен уникальной способностью парализовать ее, делать пластичной под его желания. С этим надо как – то бороться. Как когда – то, до всех этих ужасных событий, накинула одну из многочисленных белых рубашек на себя – поверх самого невинного белья, которое только хранилось в ее шкафах. Пошла вниз. Огромная библиотека, где девушка зависла на пару часов, совершенно потеряв чувство времени, кинозал, красивейший бассейн... Она переделала все, что только можно, и к вечеру уже конкретно изнывала от тоски. Перестала смотреть на часы – от этого становилось как – то совсем грустно и одиноко... – Пойду искупаюсь в бассейне, – пронеслось у нее в голове. Девушка спустилась вниз, скинула рубашку, окунулась в зовущую прохладу воды прямо в том белье, которое было надето на нее. Проплыла несколько кругов, с сожалением поняла, что не взяла никаких полотенец. Выйдя из воды, накинула на себя брошенную на шезлонге рубашку, и пошла в дом, оставляя на полу мокрые следы от босых ног. И тут, в дверях, глаза сталкиваются с двумя синими океанами... Он дома, он смотрит на нее, полностью мокрую. Захотелось убежать и спрятаться, она была

такой уязвимой... В душе смятение.. Первое, что почувствовала – радость... Он пришел... Сейчас, она поговорит с ним, прояснит, горячность вчерашнего дня должна была остыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.